

A romantic couple is shown in a close embrace, smiling at each other in the rain. The woman has wet, wavy blonde hair and is wearing a white t-shirt. The man has dark hair and is also wearing a white t-shirt. They are standing outdoors, with a body of water and trees in the background. The scene is framed by a border of autumn leaves in shades of orange and yellow. The overall mood is romantic and intimate.

Ага,
ВЛЮБИЛСЯ!

АНАСТАСИЯ КЕРТ
ЕНОЛИНА

Анастасия Керт Ага, влюбился!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74213983

Аннотация

►►►ВЫШЛА В БУМАГЕ!!! УЖЕ В МАГАЗИНАХ! С первого класса я ненавижу Женьку Карпова. А он – меня. Всё из-за одной истории, приключившейся с нами по его вине ещё в первом классе. Встреча выпускников заставляет мою подругу, решившую стать гуру психологии, считать, что та давняя история отражается на моей жизни и по сей день. Теперь мне предстоит работать с Женей в одной компании. Сможем ли мы понять друг друга и посмотреть на прошлое новым взглядом? Что увидим мы в школьных воспоминаниях: ненависть или... любовь?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	42
Глава 5	47
Глава 6	54
Глава 7	58
Глава 8	72
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Пролог

Дорогие читатели!

Надеюсь, история придётся вам по душе! Приятного чтения!

*С первого класса я ненавижу Женьку Карпова. А он – меня. Всё из-за одной истории, приключившийся с нами по его вине ещё в первом классе.
 Встреча выпускников заставляет мою подругу, решившую стать гуру психологии, считать, что та давняя история отражается на моей жизни и по сей день.
 Теперь мне предстоит работать с Женькой в одной компании. Сможем ли мы понять друг друга и посмотреть на прошлое новым взглядом? Что увидим мы в школьных воспоминаниях: ненависть или... любовь?*

/Пятый класс/

– Ага, влюбился! – поправив роскошные длинные волосы, забранные в хвост, громко заверещала Оля Северова, тыча пальцем в одноклассника, который самозабвенно рисовал синей ручкой пиратский корабль в чужой тетради. Причём не просто в тетради, а на обратной стороне обложки – уже никак не выдернешь этот шедевр и поди потом докажи учителям, что это происки Карпова.

Оля насчёт тетради совершенно не расстраивалась, ведь

она была не её, а моя. И потому девочка просто радостно тыкала пальцем в Женю и вопила на весь класс: «Ага, влюбился!» Даже отложила в сторону расчёску, которой приводила в порядок свой хвост. Есть такие девочки-девочки, которые следят за собой прямо с яслей. Им надо вечно таскать с собой расчёску, и они никогда не пропустят ни одного зеркала. Это про Олю. Да, вот такая у меня подруга, а что поделать: мы сидим за одной партой с самого первого класса. Тогда меня хотели посадить с Артёмом, от которого почему-то вечно пахло псиной, и Оля буквально спасла меня, проявив смелость, настырность и обаяние: она уговорила учительницу поменять их с Артёмом местами. И Оля с тех самых пор защищала мои интересы, за что я её очень уважала и ценила – такая подруга стала просто подарком судьбы для робкой девочки, какой тогда была я.

На момент этих криков про «ага, влюбился!» содержание рисунка я не знала и вообще находилась на другом конце кабинета – мыла доску перед уроком, но на вопли моей соседки по парте обернуться не могла. Было жутко интересно, чего он там изобразил или написал. Вряд ли, конечно, он и правда влюбился – это было бы странно, ведь мы всегда не ладили и один раз даже подрались, но давно, в третьем классе. И была ещё одна история в первом... но о ней все предпочитали особо не говорить.

– Ага! Влюбился, да, Карпов? – Оля снова защищала меня, пока я буравила Женьку недобрым взглядом в надежде,

что этот взгляд сильнее любых обидных слов скажет ему всё, что я о нём думаю.

– Ника, он в тебя влюбился! – заметив мой взгляд, уверенно заявила Оля.

Я вздохнула. Да уж, вот и новая подробность: в меня влюбился всё-таки. До этого была хилая надежда, что Оля не меня имела в виду... Но нет, меня... Стало ещё больше интересно, что же он там такого нарисовал, что Северова так голосит?

Пришлось бросить тряпку, попутно подмечая, что один из маркеров не закрыт колпачком. Жаль, что времена меловых досок прошли, и я почти не застала их. Возись теперь с этими маркерами!

Но мне было не до колпачка – пришлось спешить к своей парте, которая, кстати, располагалась на предпоследнем ряду. Да, я тот редкий человек, который отлично видит.

Шла и теребила пальцами свою косу, которая почему-то всегда манила Женьку. Ни дня не проходило, чтобы он до неё не дотронулся! Но стричься из-за этого противного мальчишки я не собиралась!

– Ника! Всё, он спалился! – радовалась Оля, когда я широкими шагами приближалась к Женьке с самым не добрым видом.

Мальчишка оставался невозмутим. Он продолжал корпеть над рисунком, и его волосы, всегда постриженные модно, но не коротко, спадали на глаза, не позволяя мне загля-

нуть ему в лицо.

Его лучший друг, Ванька, сидящий за третьей партой, хотел поставить мне подножку, но я заметила вовремя и, попытавшись пнуть его ногу носком балетки, возмутилась:

– Гудвин! – обратилась я к нему по фамилии. – Купи себе мозги!

– Ха-ха, – убирая ногу, пробормотал он. – Старая шутка. Бородатая, как Хоттабыч!

Но все ребята, кто были в классе и слышали, засмеялись. Шутка и правда была старая, но что он хотел? С такой фамилией ему эти шутки ещё всю жизнь слушать, пусть при-
выкает!

Вообще, я б в его сторону не шутила вообще никак, если б Ванька не был другом Женьки. Но и при этом у Гудвина был шанс не слышать от меня никаких подколов, но он этим шансом не пользовался, продолжая раз за разом помогать мерзкому Карпову доставать меня.

Я грозно прошествовала до своей парты и вырвала из рук Женьки свою тетрадку. В школьные годы я была лишена романтизации всего происходящего, и потому точно знала, что нарисована будет какая-нибудь ерунда. И мне хотелось её поскорее увидеть и искоренить.

Логика Ольгина от меня порой совершенно ускользала. Например, сейчас: вот из чего можно было сделать вывод, что этот противный мальчишка влюбился? Он ведь рисует не сердечки и даже не цветочки, а... пиратский корабль!

Серьёзно. На внутренней стороне обложки моей тетради красовался корабль, нарисованный чёрной ручкой. Он именно красовался, иначе и сказать нельзя: у него были чёрные надутые паруса, и на мачтах развевался по ветру весёлый Роджер.

Но не на красоту картинки смотрела я, а с грустью осознала, что просто так от неё не избавиться. Хитрый злокаверзный Карпов нарисовал корабль специально там, где его не вырвать.

– Ты! – возмутилась я. – Ты! – Да, не очень красноречиво получалось, но я вновь надеялась на мой выразительный убийственный взгляд, который должен был сразить Женьку наповал. Но не сразил.

Парень поднял на меня взгляд светлых, необычайно глупых, как я считала, серых глаз и, улыбнувшись, протянул руку, сказав просто и без обиняков:

– Ворона, дай, дорисую.

У меня перехватило дыхание от такой наглости, но я не успела вовремя убрать тетрадь, и цепкие пальцы Женьки захватили у меня её.

– Ага! – начала было Оля, но Карпов спокойно прокомментировал:

– Не влюбился я, не ори, Северова! Это пиратский корабль, он захватил Ничкину тетрадку...

– Бред какой! – возмутилась Оля. – Тебе что, пять лет?

Он пожал плечами, а потом уверенно заявил:

– В следующий раз ворону нарисую. Для Вороны!

Я насупилась. Вот как можно было превратить мою прекрасную, ласкающую слух фамилию Жаворонкова в кличку Ворона? Это только больной мозг Карпова мог такое выдать.

– Эй, Гудвин! – окликнула я Ваньку. – И другу своему мозги новые раздобудь, а то он совсем плох!

Ванька обернулся и показал мне язык.

– Сердце новое этим вот, – Карпов указал на нас с Олей, – подари. Хотя бы одно на двоих, а то у них нет чувства прекрасного! – и он хотел было продолжить изображать корабль, у которого сам корпус оставался не закрашенным, но я отобрала у него свою тетрадь и треснула ею его по голове:

– Это за то, что Селёдка снова мне замечание сделает за тетрадь! – и замахнулась повторно, приговаривая: – А это – за Ворону!

И ударила второй раз.

– Вероника Жаворонкова!!! – раздался громкий и строгий голос Селёдки, и в класс вошла худощавая женщина с красивой копной светлых вьющихся волос, поднятых на самую макушку.

Я замерла с тетрадкой в руках.

Опять? Ну почему опять она видит только то, что хочет видеть? А именно, что виновата якобы я, а не этот наглый кучерявый парень, несносный, противный и вредный.

– Вы можете объяснить своё поведение в этот раз? – холодно продолжила классная руководительница.

Но я не могла. Ни в этот раз, ни в сто пятьсот предыдущих.

Когда меня необоснованно обвиняли и повышали на меня голос, мне становилось так горько и обидно, что я не могла произнести ни слова.

– Ника не виновата! – вступилась за меня Северова, но её одёрнула Селёдка:

– У Вероники что, языка нет?

У меня он был. Но не слушался.

Только когда инцидент забылся и начался урок, я смогла обернуться и прошептать Женьке:

– Я ненавижу тебя, Карпов!

Это было истинной правдой и любой, кто знал нас с первого класса, отлично понимал, когда и как родилась эта ненависть.

Глава 1

– На встречу одноклассников пойдёшь? – спросила у меня Оля, когда мы тёплым весенним, почти уже даже летним днём с ней сидели в кафешке после универа. Хотя вот уже два года мы учились в разных учебных заведениях, но всегда любили пару раз в неделю пересечься где-то в центре Питера и посидеть в кафе. Это стало своего рода доброй традицией, хоть и негласной.

За школьные годы Северова умудрилась стать моей лучшей подругой и даже уговорила пойти учиться в один из выбранных ею для меня универ. Вернее, не совсем уговорила. Это ж Северова! Он мне популярно объяснила, как важен личный выбор и как необходимо делать его осознанно, не оглядываясь на других и ориентируясь только на свои стремления и рынок труда в городе.

В общем, я пошла в престижный универ. И считаю, что это она меня уговорила, потому что красочно расписала, почему выбранная ею профессия наиболее перспективная и прекрасная во всех отношениях. Я бы сама выбрала что-то попроще.

Вообще, Оля надеялась, что мы пойдём в один. Но учиться с Северовой – это не тоже самое, что дружить. И если продолжать дружить я была готова, то продолжать с ней учиться – боже упаси!

– Эй, Ничка, ну так что? – я инстинктивно дёрнулась, уворачиваясь от тычка в бок.

Чуть не пролила сок, и посмотрела на Олю осуждающе. Привычка тыкать меня локтём у неё давно, так что я смирилась, что это навсегда.

– Да ничего, – отмахнулась я. – Не пойду. Ну чего я там делать буду? – спросила у неё и заодно у себя. И принялась пить сок, пока его всё-таки не пролили.

Мы глазели на весенний пробуждающийся от зимней спячки город из окна – ещё далеко не все кафешки организовали беседки на улицах, хоть погода благоволила к этому.

За окном шныряли прохожие, одетые кто как: одни ещё не успели сменить пуховики на куртки, а другие уже приоделись в весенние платья или шорты. Наблюдать за людьми в это время года – уморительно и занятно, только вот Северова всегда считала, что это некрасиво – пялиться на людей.

Она сменила роскошные волосы до пояса на удлинённое каре, но не перестала следить за собой. Северова теперь использовала минимум косметики. То есть, не использовала её вообще. Она была стройна, ухожена и очень уважала себя – это смотрелось лучше, чем любой макияж.

Так что прежнюю школьную фифу Олю было не узнать, но я все эти годы была рядом с ней, и потому перемены прошли для меня плавно и незаметно.

Тёплых воспоминаний от школы как таковых у меня не осталось. Нет, конечно, много чего происходило тогда знако-

вого, важного и интересного, но встреча выпускников – это что-то совсем не моё. Смотреть, как все изменились и как теперь живут – скучно. Мне не было интересно, и я считала подобные мероприятия пережитком прошлого. Когда не было соцсетей, и классы могли хвастаться сплочённостью, тогда встречи имели смысл. Сейчас – нет. Или для меня – нет.

– А я без тебя что там буду делать? – возмутилась Оля. – Ты можешь хоть ради меня пойти?

Я вздохнула и оглядела Олю. Она была одета просто, как-то строго и стильно. Брюки чёрные, классические, рубашка светлая, приталенная, но тоже классическая. Волосы убраны в короткий хвост, а пронзительные голубые глаза смотрят цепко из-под не накрашенных ресниц.

– Оль, ты очень странный интроверт. – Призналась я. – Неправильный.

– И социофоб, – не упустила случая добавить Северова. – Я интроверт и социофоб. Как и большинство предрасположенных к техническим наукам людей.

Нахмурившись, я подумала, что я тоже на технической специальности, так что её высказывание могло относиться и ко мне.

– Чего? – переспросила я. – Это я на своём факультете такой же, что ли, стану к выпуску? – испугалась не на шутку, потому что быть Олей мне бы точно не хотелось.

– Обязательно станешь, – заверила она. – Гуманитарии ориентированы на человека, и человек по своей сути ориен-

тирован на человека, но нас в универе пять лет будут переориентировать, так что мы станем немного со сдвинутыми мозгами...

– Мы с тобой и так со сдвинутыми мозгами, – рассмеялась я. – И именно поэтому на встрече выпускников нам делать нечего!

Очень хотелось поставить точку в этом вопросе, потому что я знала, что встреча выпускников – равно Женя Карпов. А его видеть совершенно не было желания. Он снился мне иногда, мельком, и я считала, что от этого его и так слишком много в моей жизни.

– Да ладно тебе! – Широко улыбнулась Оля. – Сходим, посмотрим, как там все проживают! Я считаю, полезно развиваться и делать что-то, чего не хочется. Вот мне, технарю, интроверту и социофобу пришлось заниматься тренингами и преуспеть в этом, стать гуру психологии, чтобы почувствовать себя полноценной разносторонней личностью, понимаешь?

Про Олину деятельность на ниве тренингов я предпочла не думать, ибо это было ещё больше не моё, чем предстоящая встреча выпускников.

– Нет. – Ответила я. – Не понимаю. А про встречу – тоже нет. Да и чего встречаться-то, не так много времени прошло, не интересно совсем!

Тогда Северова допила свой кофе и посмотрела мне в глаза хитро:

– А на Женю Карпова не хочешь посмотреть? – спросила она лукаво, думая, что использует последний козырь, а на самом деле только усиливая моё желание пропустить сие мероприятие. – Два года с выпускного прошло – каким он стал?

– Идиотом он стал, – ответила я без тени сомнений. – И был, и стал, и всегда будет! Чего на него смотреть?

Пустой стакан из-под сока отставила в сторону и снова уставилась за окно. Разношёрстные прохожие приковывали взгляд, на них можно было смотреть бесконечно. И радоваться, что мы пока студенты, нам не надо на работу. Хотя, предстояла формальная летняя практика, и это несколько омрачало весеннее настроение, поскольку мне бы хотелось пойти куда-то не для галочки, а с толком.

– Слушай, я не понимаю, почему бы тебе не пойти, Ника? – продолжала наседать Северова. Она каким-то чудом умудрялась отличать моё категорическое «нет» от обычного. И сейчас было обычное «нет», которое при должных аргументах может перерасти в «да». – Там же все свои – это раз. – Подруга принялась загибать пальцы. – Ты достаточно успешно устроилась в универ – это два. Красотка, каких поискать – три. Ну и почему не пойти-то? Из-за Жени?

Я не знала, что ответить. Оля любила всё свести к Карпову, и видела в этом какой-то подтекст. Она увлекалась психологией, и потому говорить с ней на личные темы год от года становилось всё сложнее и скучнее.

– Женя не при чём, – ответила я предельно чётко и задум-

малась всерьёз: а и правда, в чём причина? Почему бы и не пойти, раз Оля так хочет туда попасть, но именно со мной? Сложно, что ли? И честно ответила самой себе: нет, не сложно. – Ладно, ради тебя могу сходить на эту встречу, но одно условие: никаких воспоминаний про наши с Карповым истории, хорошо? Вот вообще никаких!

– Да не вопрос, Ника! – обнадежила Оля. – Только вот за других не ручаюсь.

За других могла ручаться я сама: наши проблемы с Женей были столь локальными, что мало интересовали кого-то, кроме нас и наших друзей. И всегда разговоры о Карпове начинала Северова, так что если она будет не касаться этих тем, то никто их не поднимет!

Глава 2

Была у нас с Женей давняя история, которую я не любила вспоминать. Вернее, я любила её вспоминать, но она казалась мне какой-то очень личной, и потому мне нравилось не делиться ею ни с кем. И даже Оля знала не больше, чем было необходимо, чтобы она отстала с расспросами.

С тех пор повелось считать, что воспоминания приносят мне боль и вообще произошло тогда нечто страшное, о чём говорить запрещено. Я не развеивала этот миф, потому что с ним было удобно, и он мне не мешал.

Наверно, из-за этого мифа я могла рассчитывать на то, что на встрече никто не станет досаждать мне Женькой. И сам он с возрастом должен был поумнеть и переосмыслить всё, что тогда произошло, осознать свою неоспоримую вину и прекратить напоминать о себе и доставать меня.

И всё же, стоит ступить на порог школы, как оказываешься словно в прошлом. В том самом школьном времени, и не важно, сколько прошло лет и тем более не важно, что всё немного изменилось, и теперь был иной ремонт и по коридорам носились незнакомые дети. Всё равно эти стены хранили ту атмосферу, которая окутывала и обескураживала, стоило войти в родное здание школы. Всё-таки это здорово – отучиться все годы в одном здании, как я, как Оля, и как Женька с Ванькой...

Я помедлила на пороге, и вошла только когда пришли ещё ученики. Из классов, которых я не знала, старше меня. Вот им, наверно, интересно! Особенно если у них не было в классе никого, как Карпов, и они могли прийти к любимым учителям, которые бы были им рады...

После выпускного я впервые пришла сюда, и мне было ещё невдомёк, что учителя уже не помнят мелочи и обиды – для них мы – страницы прошлого, и потому каждый по – своему дорог, независимо от приязни или неприязни в школьные годы.

Встреча выпускников проходила довольно убого – все просто шатались по кабинетам, навещая любимых учителей, при этом в основном наш класс базировался в кабинете Веры Васильевны – нашей классной руководительницы, у которой за всё время работы мы были единственным классом, который она вела. Мы были её первым опытом. Неудачным, видимо...

Вера Васильевна дружила с Селёдкой – учительницей начальных классов, с которой у нас не заладилось ещё больше, чем с Женей. И, наверно, с этой дружбы и пошла предвзятость ко мне Веры Васильевны. Лично мне видеть её не хотелось особенно сильно. Больше, чем других... Но наш класс собирался в её кабинете, а Северова, как обычно, опаздывала.

Я же, наоборот, пришла раньше всех, так уж вышло, и потому волей-неволей пришлось зайти в родной кабинет, где

Веру Васильевну окружили незнакомые мне выпускники каких-то других лет, у которых она классной не была, но предмет свой вела.

Я надеялась остаться незамеченной, но не вышло. Учительский слух чутко реагировал на каждого вновь пришедшего.

– О, Вероника! – обрадовалась Вера Васильевна, выглядывая из толпы ребят, которые тут же расступились, открывая ей обзор на меня. – Ну как ты? Проходи, не стесняйся!

Пришлось и правда подойти. Искл​ючительно, чтобы не создалось впечатление, что я осталась той стеснительной девочкой, какой была раньше.

– Здравствуйте! – поздоровалась я, оглядывая класс. Потому что чем больше смотрела я на ничуть не изменившуюся учительницу, тем больше робела. – Ремонт у вас. Красиво. – Дежурно прокомментировала я перемены в классе.

– Знаю, поступила, куда и хотела, учишься хорошо... – Я кивнула, улыбаясь и ожидая, когда придёт кто-то спасительный, что перетянет внимание Веры Васильевны на себя. Хоть даже Женька! Даже ему буду рада! – А на личном фронте как? – спросила учительница, и я еле удержалась, чтобы не закатить глаза.

Это самый странный вопрос из всех. Странный, но типичный. Нельзя просто взять и не спросить «Как на личном фронте?» у человека, которого давно не видел.

Что отвечать? Встречаюсь периодически с кем-нибудь, но

все быстро начинают бесить. Вроде бы некрасиво звучит...

Я пожала плечами:

– Нормально. Замуж не собираюсь пока, – ответила я довольно сухо.

– Помню, как ты не ладила с Женей Карповым... – Она сказала об этом как-то мечтательно и ностальгически, не понимая, что лично я до сих пор дуюсь на неё за несправедливость, которой она одаривала меня каждый раз, когда мы с Женей ругались. – Эх... Как вспомню: какая пара вы красивая была!

А эту фразу она произнесла так, словно вспоминала свою первую любовь, а не двух вечно подкалывающих друг друга школьников. Я не сдержалась и поморщилась. Потому что более некрасивой пары было просто не найти – мы не могли находиться рядом, не ругаясь. Разве это может казаться красивым, даже если внешне мы с Женькой оба ничего, симпатичные?

– Мы не были парой, – напомнила я сухо, поглядев на собравшихся людей, которые посмотрели на меня с нескрываемым интересом, ожидая какой-то занятной истории.

– Ну, так-то, конечно, да... – опомнилась Вера Васильевна, улыбаясь по-прежнему мечтательно, и я отчаялась стереть эту улыбку с её лица. – Но что-то между вами всегда происходило! А как романтично вы тогда, в первом классе...

Она припомнила ту самую историю, которую я не любила ни с кем делить. И использовала по отношению к ней слово

«романтично», которое к той истории было точно не пришей кобыле хвост.

Девчонки, которых я не знала, оживились, заинтересовавшись, и стали наперебой просить Веру Васильевну и меня рассказать им, как было дело. Мол, они уже давно выросли и знают, что школьные романтические истории – это чудесно, прекрасно и волшебнo... Брррр...

– Вы расскажите, а я пойду по школе прогуляюсь, – сказала я, рассчитывая поскорее ретироваться и не желая слушать эту историю из уст училки, но тут появилась Северова.

Она вошла бодрым шагом, но на неё никто не обратил внимания. Оля походила на учительницу: в её строгом костюме, с забранными в огрызок хвоста волосами и пронзительным цепким взглядом голубых глаз.

– О чём будут рассказывать? – спросила она у всех громко, а потом поздоровалась с учительницей: – Здравствуйте, Вера Васильевна!

Я закатила глаза и выскочила из кабинета.

Северова осталась – она не могла пропустить эту историю. И не могла предотвратить этот рассказ. Я знала, что ей интересно послушать это от любого человека – Оле приходилось собирать картинку того дня по осколкам, ведь я ничего конкретного не рассказывала даже ей. Это был мой день. Мой и Женькин. Больше – ничей!

Удалившись из кабинета, я пошла бродить по коридорам. Как и следовало ожидать, на встречи выпускников приходят

кто угодно, кроме тех, кто мог быть мне интересен. Артёма, например, не было ни того, с которым я сидела одно время за партой, ни того, с которым я дружила во дворе, с параллельного класса. Вот их я бы с радостью повидала! Не настолько жаждала встречи, но раз уж пришла сюда, хотелось бы повидать именно их.

Не было и Элины – жутко странной, красивой, но глупой девчонки, про которую было бы интересно узнать, как она живёт. С ней тоже была связана одна история, произошедшая из-за Карпова, конечно.

Я в который раз убедилась, что встречи выпускников – не по мне. С кем хотела общаться – и так общалась, а остальные меня настолько мало интересовали, что даже отсутствие Элины и Артёмов не вызвали ни малейшей досады, а лишь подтверждали мою уверенность, что встречи – не по мне.

От нечего делать посетила столовую. Ноги сами принесли меня туда, на запах. Столовая по случаю праздника напекла уйму выпечки и была открыта в неурочное время. Вот здесь, пожалуй, ностальгия коснулась меня в полной мере – несравнимые ни с чем ароматы школьной выпечки уносили в детство, даря радость и чувство неимоверного голода. Не зря говорят, что именно запахи лучше всего воскрешают воспоминания. Сразу же захотелось пойти и объесться булочками, пирожками и пирожными. И я не отказала себе в этом удовольствии.

Там, в столовой, встретила Ваню Гудвина. Встретила

неожиданно и как-то буднично, как сотни раз встречала в школьной жизни. Он стал статным, серьёзным, но при виде него мне в голову всё равно лезли глупые шутки по поводу подаренных мозгов, сердец и прочего.

Так что этого парня я встретила, широко и искренне улыбаясь.

– Привет, Ворона! – поздоровался он, заметив меня и подзвав к себе – он был в очереди на несколько человек ближе меня.

– Привет, Гудвин! – ответила я весело. Вот от Ваньки моё придуманное Женькой прозвище звучало вообще ничуть не обидно и даже мило!

Он оглядел меня, изучая. Некоторое время мы просто стояли в очереди за пирожками и смотрели друг на друга, не зная, чего сказать.

– Ты Женьку не видела? – спросил Ваня, первым начав разговор.

Я поморщилась. Всё- таки Карпов где- то тут, тоже пришёл. Повезло мне, что пока не пересеклась с ним! Хотя...

Признаться честно, увидеть его мне бы хотелось. Так, одним глазком...

– Он что, должен был прийти? – спросила я безразлично. Наверно, слишком безразлично – всё-таки о том, с кем вечно ссорился, так безэмоционально нельзя говорить.

– Должен быть тут, – пожал плечами Ваня. Он был довольно простым парнем, и моего слишком безэмоциональ-

ного ответа просто не заметил. — Но он вечно опаздывает. Уже полчаса назад говорил, что вот-вот будет. Наверно, у класснухи. Ты к ней после столовки?

— Нет. Была уже у неё, — ответила ровно. — Я после столовки ждать Северову. Она меня сюда притащила, пусть она со мной и домой идёт, хоть расскажет вкратце, чего узнала про наших.

Ваня смерил меня подозрительным взглядом, а потом спросил:

— Оля тоже тут?

— Да. — Подтвердила я свои слова. — Говорю же: она меня сюда притащила. Подари себе уши нормальные, о великий и ужасный! — не сдержалась и пошутила, хоть это вышло и грубовато.

Он хотел что-то ответить, но подошла наша очередь, и я уже принялась перечислять буфетчице булочки, которые мне нужны. Ваня тоже не стал продолжать разговор.

Я, почувствовав себя неуютно от глупой шутки, подождала Ваню и пошла с ним, беседуя о всякой ерунде. Оказалось, с ним довольно весело, если не пытаться задевать друг друга.

— Знаешь, а нормальный ты парень! — сказала я ему уже почти у нашего кабинета, поделившись своим открытием.

— А ты сомневалась? — усмехнулся в ответ Гудвин.

Призадумавшись, я поняла, что меня особо не интересовал он, я воспринимала его, как приложение к Карпову и как Женькин инструмент — помощник в его затеях по достава-

нию меня.

– Мы всё как-то на бегу общались, – пожала плечами и виновато улыбнулась. – Ну, как общались: то ты мне что-то подстроишь, чтоб помешать до Карпова добраться, то я тупо пошучу про твою фамилию... – Что-то меня понесло, откровенность показалась мне уместной, и я продолжила: – Вообще, я б и с Женей не ругалась, если б не Оля – она как-то никогда не давала угаснуть нашей вражде. Но на тебя я никогда не дулась всерьёз! – решила сообщить я, и Ваня тепло улыбнулся мне.

– Оля такая, – сказал он как-то по-доброму, отчего мне стало понятно, что он милый классный парень, который не сердится на нас и не считает, что у нас с ним были какие-то контры. – Пошли в класс! – заметив, что мы остановились у открытой двери в кабинет, предложил он.

– Нет уж, – ответила я и пожаловалась: – Как меня кто видит – сразу норовит вспомнить о Жене...

– С ним такая же фигня, – рассмеялся Ваня. – Наверно, вы всеми воспринимаетесь, как нечто единое, это уже не изменить! С первого класса так, сама понимаешь, почему...

Я нахмурилась. Не нравилось мне, что меня воспринимают единым целым с Карповым! И не нравилось, что все помнят про историю в первом классе. И мало того, что помнят и воспринимают, так и постоянно делают это при мне!

– Посижу здесь, Олю подожду, – ответила я, забираясь на подоконник, чуть в стороне от кабинета, чтоб меня ни с ка-

кого ракурса с класса было не увидеть.

Нам никогда не разрешали сидеть на подоконниках, и с тех пор я просто обожаю это делать. В универе к подобному относились не так трепетно, как в школе, и там можно было сидеть, сколько и где душе угодно.

Но вот я, наконец, добралась до запретного, и сидела теперь тут, свесив ноги и глядя на Ваньку, который не спешил уходить и смотрел на меня задумчиво.

– О, Ванёк! – обрадовался наш одноклассник, выглянувший из класса. – Иди скорей, как раз тебя вспоминали! Привет, Ника! Чего вы тут? Заходите!

Гудвин глянул на меня, и я тоже его поторопила:

– Да, иди скорее! Тебя вспоминали – снова кому-то мозгов или сердца не хватает! Иначе чего тебя вспоминать, да, Гудвин?

Мы дружно состроили друг другу рожицы и рассмеялись, после чего Ваня пошёл в класс, а я – осталась на своём месте.

Врубила музыку в плеере погромче, надела наушники и закрыла глаза – скоротать время никогда не было проблемой для меломана.

Прошло всего два или три трека, как рядом со мной оказался кто-то. Странно, но даже не открывая глаз, я могла точно сказать, кто именно этот кто-то.

Женю Карпова я уже давно научилась чувствовать каким-то особым чутьём, и оно никогда не подводило. Вот и сейчас я узнала этого парня. Не по запаху, не по голосу, с

закрытыми глазами и музыкой в наушниках.

Я ощутила его присутствие задолго до того, как он бесцеремонно вытащил один наушник из моего уха и подал голос: – Скучаешь? – Женя запрыгнул на подоконник рядом со мной и заглянул в лицо.

Интересно, он до этого что-то говорил мне, но я не слышала или просто паялся и пытался найти отличия с той девочкой, которую помнил?

Я открыла глаза и посмотрела на одноклассника с интересом. Этот парень мало изменился, поскольку к выпускному имел хорошую фигуру, а при его телосложении, фигура такой должна оставаться долго.

Лицо прежнее, стрижка тоже мало отличается от той, что он носил в одиннадцатом классе. Глядя на Карпова, можно было ощутить себя в прошлом, и от этого становилось как-то не по себе, словно я разом ощутила тяжесть этих нескольких лет, которые навалились и кричали сейчас: «Смотри, прошёл лишь миг, а ты уже давно не школьница! Моргни ещё раз – и станешь пенсионеркой!»

Я помотала головой и припомнила, о чём спрашивал Женя. Сам он, наверно, уже и думать об этом забыл, поскольку смотрел на меня так удивлённо, изучающе, словно не верил своим глазам, что видит меня.

– А что, тут разве весело и был шанс не заскучать? – вопросом на вопрос ответила я.

– Нет, но тут и не должно быть весело, – ответил Кар-

пов, поглядев в сторону класса, откуда раздавались голоса ребят. – Тут душевно... Разве нет?

Я пожалала плечами. Мне не было приятно находиться здесь, и я не лукавила, когда говорила Оле, что могу пойти только ради неё. Но и неприятно тоже не было, надо признать. Да, я не стремилась быть в центре внимания или с кем-то обсуждать свою жизнь, но и меня никто не трогал и не лез в душу, что уже хорошо.

– Твоя подруга в ударе, – сообщил мне парень, когда слышался звонкий голос Ольги.

– Угу... – ответила я безразлично.

– Каждый поступок имеет свои последствия... – Говорила Оля кому-то, и этот кто-то отвечал ей с иронией, не воспринимая мою доморощенную «гуру психологии» всерьёз:

– Да, каждый поступок имеет последствия, и что теперь – ничего не делать, как некоторые?

На кого он намекал, оставалось непонятно, но Оля продолжала непоколебимо вещать:

– «Ничего не делать» тоже имеет свои последствия. Ты мелко мыслишь, если не понимаешь, что поступок – это не только поступок, но и его отсутствие. И отсутствие поступка – это бывает очень опрометчивый или, наоборот, очень грамотный поступок.

– Ты, Северова, меня совсем в тупик загоняешь! – весело отвечал ей собеседник.

Я улыбнулась Карпову, мол, да, вот такая у меня подруга,

а что?

– Напишу ей смс, чтоб закруглялась, а то начнёт сейчас всех лечить, так до утра здесь просижу, – пробурчала я, доставая телефон. И пояснила: – Я сюда не хотела приходить. Оля уговорила.

Женя не уходил. Он наблюдал за мной словно невзначай, из-под полуопущенных ресниц, и я временами косо смотрела на него, проверяя, не отвлёкся ли. Нет, не отвлёкся. Светло-серые глаза, которые сегодня не показались мне ничуть глупыми, смотрели на меня, хоть и не прямо, не в упор.

Набрав сообщение Оле, чтоб закруглялась, я поудобнее уселась на подоконнике, не зная, как дальше вести себя с Карповым. С ним было сложно хотя бы потому, что мы никогда вот так не сидели рядом, не разговаривали, не рассматривали друг друга столь внимательно...

А я ему ещё и улыбнулась – совсем уже расслабилась!

Что, если со школьными годами улетучилось всё, что тогда было? Вон, как мило пообщалась сегодня с Ваней! Может, и с Карповым тоже будет так? Мы сейчас поговорим, как старые приятели, посмеемся над прошлыми обидами и разойдёмся, как и прежде, по своим дорогам?

Эта мысль пугала меня, и потому я молчала. Не хочу так! Хочу, чтобы Карпов остался моим школьным непрощённым неприятелем! Он, можно сказать, дорог мне именно таким!

Почему молчал Карпов, я не знала, но, быть может, он тоже боялся сейчас разрушить что-то важное, что делало нас

– нами.

– Часто вспоминаешь школу? – спросил он у меня как-то просто, словно не спрашивал что-то личное, а так, вёл дежурную беседу о погоде.

– Никогда, – ответила я почти правду. – Некогда и незачем. Да и что вспоминать-то? У меня жизнь в школьные годы школой не ограничивалась – есть что вспомнить и без неё.

Это было правдой. Школа – чисто необходимость, не более того. У меня была дача с классными друзьями, была художественная школа, где царило веселье, были друзья во дворе, которые учились в другой школе, но это не мешало им общаться со мной.

Так что школа для меня не была центром вселенной, как для многих. И потому она ассоциировалась с Олей Северовой, Ваней и, конечно, с ним, с этим невыносимым парнишкой, что сейчас смотрел на меня и пытался поддерживать разговор.

– А я часто, – ответил Женя, словно я спрашивала «А ты?».

– Это понятно, – усмехнулась я. – У тебя всё было тут: и друзья, и девушки, и учителя любимые – есть, что вспоминать! А у меня – только ты, а тебя и вспоминать не очень-то хотелось...

Это вырвалось само. Я не заметила и не сразу поняла, как рядом с Карповым у меня включился привычный режим общения с ним – пытаться поддеть первой, пока он не сделал

тоже самое.

– Извини, – тут же попросила прощения я.

– Да ладно, Ворона, я и не рассчитывал, что ты меня тепло вспоминаешь, – улыбнулся он. – Хотя, признаюсь, не хватало мне тебя на первом курсе, скучно прям было на парах сидеть. А потом ничего – привык.

Если это было откровение, то какое-то странное, потому что я не очень поняла, как на него реагировать. Наверно, просто Женя был из тех, кто тепло вспоминает всё, что уже не вернуть. Как Вера Васильевна, как Ванька... Но не как я! Я помнила, что моя школьная жизнь могла быть столь же прекрасной, как и университетская, если бы не Карпов. Я довольно обаятельный человек, меня любят препода... И учителя могли бы любить, если постоянно не заставляли бы меня за каким-то не женским делом вроде битья Карпова учебником по голове или криков: «Женька, я тебя ненавижу!»

Мы снова замолкли, поскольку разговор не клеился совершенно.

Нам помогла Северова, появившаяся, как чёрт из табакерки. Сегодня она мастерски подкрадывалась незаметно.

– Ага, влюбился! – Оля подбежала и ткнула пальцем в Карпова, на что тот миролюбиво улыбнулся ей:

– Я почти скучал по этой фразе, – признался он, глянув на меня и подмигнув.

Я лично по этой фразе не скучала совершенно. Не хватало ещё возобновить эту глупость с вечными напоминаниями,

что Женя в меня влюбился!

– То есть, наконец, признаешь, что я права? – Северова шуточно ударила его в плечо кулачком, но смотрела на парня серьёзно, пытаясь по его реакции узнать истинные чувства.

Доморощенный психолог, чего с неё взять.

Но Женя не поддался и лишь пожал плечами:

– Не подловишь меня, Северова! Я ж тебя только что наслушался – ты любое слово так вывернешь, что не знаешь, что и ответить. Так что промолчу я лучше, пока ты ничего себе не напридумывала и Вороне лапши на уши не навешала.

Оля многозначительно кивнула, словно такой ответ говорил настолько о многом, что больше и вопросов-то не оставалось. Северова пугала меня: она смотрела на Карпова, как на свою жертву, которой уже подписан приговор, и мне казалось, что её мысли при этом касаются не только его, но и меня. Странно, но показалось также, что Вера Васильевна права, и я сама порой воспринимаю нас с Карповым как единое целое. Особенно здесь, в школьных стенах.

Мы с Женькой переглянулись и синхронно сглотнули, чувствуя, что Оля что-то замыслила, и вряд ли это хорошо кончится.

Мы молчали, а Северова, поразмыслив, предложила Жене:

– Проводишь нас? Скучновато тут. – Она смотрела прямо, и выглядела как-то странно здесь, в стенах школы, в своём строгом одеянии. – Сумерки, а Ничкин дом в другом микро-

районе. Но ты успеешь потом вернуться и потусить в школе, если захочешь.

Сумерки – это было очень-очень громко сказано. Да, погода выдалась облачная, но в городе царили белые ночи, и потому темно быть просто не могло.

Оле наскучило здесь? И это ради полутора часов она меня сюда зазывала? Или просто она сделала, что хотела? Но что она хотела?

Я ничего не понимала, но чувствовала, что это связано со мной и Женей. Или же просто здесь, в школе, для меня всё, что угодно, было связано со мной и Карповым.

– Провожу, – легко согласился парень и огляделся. – Ваню подождём? – предложил он. – Или вы торопитесь?

Я вот очень торопилась, потому что Олина наглость начинала переходить границы! Зачем мне, чтобы Карпов провожал нас? Он узнает, где я живу, и тогда неизвестно, что вычудит! Вдруг, у меня будет парень, а Женя притащится к моему подъезду и примется целовать, чтоб испортить всю личную жизнь? Он мог. Была у нас история... Историй с Женей вообще было много...

– Подождём Ваню! – как ни в чём не бывало, продолжала разговор Оля.

А мне было не до Вани и не до чего – я не хотела идти с Женькой!

Однако присутствие Оли изменило манеру общения Карпова. Он больше не казался мне человеком взрослым и муд-

ро оставившим все выяснения отношений в прошлом. Сейчас, когда собиралась старая гвардия, школьные годы начинали воскресать, а с ними – и прошлые взаимоотношения.

Эти же стены, коридоры, этот же Женька, эта же Оля, и эта же я... В тот момент, когда к нам подошла Северова со своим «ага, влюбился!», я остро ощутила, что все мы – те же самые. Просто давно не виделись и немного растерялись, но мы – прежние. И наши взаимоотношения – тоже!

– Пошли на улицу, я курю, – сказала Оля без какого-либо пафоса или стеснения.

Она принимала себя такой, какая она есть, со всеми недостатками, и считала, что все окружающие тоже должны принимать её. Женя посмотрел на мою подругу искоса и как-то безразлично. Она и так не нравилась ему, а деталь про курение лишь добавила облику этой девушки отрицательных черт.

– Да, Карпов, я курю, – ответила невозмутимая Оля на его неодобрительный взгляд. – Я курю! Живи теперь с этим.

Он усмехнулся:

– Это ты живи с этим, мне-то пофиг, травишься ты или нет.

– И правильно, – одобрила Северова. – Так мы идём?

Мы с Женей прыгнули с подоконника синхронно.

Карпов сунулся в класс и громко крикнул:

– Ванька, мы на улице! Подходи!

И, видимо, на это Вера Васильевна возмутилась, что Женя совсем мало пообщался с ней, так что он добавил:

– Да вернёмся мы! Девчонок проводим и вернёмся!

Глава 3

И мы вместе с Олей пошли по лестнице вниз. Я вспомнила, как здесь однажды разговаривала с Женькиной девушкой, и какая я тогда была наивная и милая – страшно вспоминать! Сейчас бы точно не стала ни с кем разговаривать и пытаться уладить недопонимания. А тогда... Эх, ностальгия! Всё-таки пробралась даже мне в сердце, хоть я, кажется, держалась дольше всех, кто явился на эту встречу!

Мы вышли на крыльцо. Там было довольнолюдно – компании ребят что-то обсуждали, смеялись, но никто не курил, не желая нарушать правила. Но Оля затянулась с удовольствием и с каким-то философским видом. Она знала, что сегодня – можно, никто не станет ругать. Максимум – попросят затушить сигарету.

Облачная погода и правда создавала впечатление ранних сумерек, что-то осеннее чудилось в этом, и даже запахло первым сентябрём...

– Мда... Курю на крыльце школы, – произнесла Оля, выпуская дым вверх. А потом резко посмотрела на Женю и сказала: – Я, кстати, вас с Ваней как-то запалила, как вы курили за школой в девятом классе, так что не смотри на меня так!

Карпов и правда косился на Олю с нескрываемым отвращением. Но он не растерялся, когда его в этом уличили:

– Видишь, Северова, мы с Ванькой в девятом начали и в

девятом бросили, а ты смолишь до сих пор и ещё и радуешься этому.

– А что, курение – это комплекс? – спросила она удивлённо. – Или типа ты весь такой правильный стал?

Карпов пожал плечами, показывая, что ему нет дела до Оли и её курения. И он не собирается обсуждать, каким он стал.

Мы стояли, а Оля курила. Тепло весеннего вечера завораживало, хотелось дышать этим влажным воздухом, пропитанным ароматом черёмухи и столовских булочек.

Послышались голоса ребят и, прежде чем открылась дверь, я заметила, как Оля спешно потушила сигарету и отбросила её, а потом странно проводила взглядом окурков, словно не могла решить, верно ли поступила, выбросив и не докурив.

Вышли несколько наших одноклассников, и Ваня в том числе. Нас сразу заметили, но свои разговоры не прервали, только Гудвин отделился от остальных ребят.

– Ты чего сказал, что мы вернёмся? – спросил Гудвин у Женьки, подходя к нам. – Сказали, школа скоро закрывается, так что продолжение банкета в другом месте, по желанию. Вот решаем, куда податься. – Он кивнул в сторону компании, с которой вышел.

– А пошли в клуб? – предложил бодрый голос Анечки, что вечно сидела на первой парте, но отнюдь не была заучкой. – Девчонки, Женя – пойдём?

Я никогда не дружила с ней. Но она одно время активно клеилась к Ване, и Оля очень осуждала подобное поведение, считая его неподобающим. Уже тогда Северова была уверена, что девушка должна максимально уважать себя и любить, а не увиваться за понравившимся парнем.

Предложение посетить клуб не могло меня заинтересовать в принципе, а от Анечки тем более. Я любила какие-то более вдумчивые мероприятия или, наоборот, более лайтовые, чтоб только свои и никакого пафоса.

– Я пас, – сходу решила я, а потом посмотрела на Женю и Ваню, и ответила Ане: – Может, парни пойдут? – и кивнула на наших спутников.

Было бы чудесно, если б они сейчас спросили у меня что-то типа, дойду ли я сама и дойдёт ли Оля, а потом ушли с Аней. Умом я понимала, что этому не бывать: Северова их сгрызёт, если они решат нас кинуть, и примет это за личное оскорбление.

На моё удивление, ни Ване, ни Жене идея пойти дальше тусить с одноклассниками не пришлась по душе, хоть поначалу Гудвин производил впечатление заинтересованного в продолжении банкета.

– У нас другие планы, ребят, – искренне улыбнулся Карпов, отвечая за всех нас. – Хотим пройтись, поболтать – столько лет же вместе, сами знаете...

Я посмотрела на него искоса и недоверчиво. «Столько лет вместе, сами знаете...» Пффф!

Но странно. Чего это он? Предпочёл провожать нас... Надо заметить, приятно. Только сейчас осознала, что было бы жаль, уйди он с ребятами в клуб.

Ваня и Женя попрощались со всеми, и ребята шумной толпой пошли в сторону гудящего, мерцающего огнями проспекта, а мы остались стоять на крыльце школы.

«Столько же лет вместе, сами знаете...» – стояло в моих ушах ещё долго.

То есть, все знали и видели, что мы – некая компания, в которой постоянно выяснение отношений, но компания от этого не менее устойчива, чем любая другая. Нас было четверо, мы были с первого класса «вместе», но я никогда не смотрела на наше общение под подобным углом.

Можно считать меня занудой, но мне никогда не понять дружеских отношений, основывающихся на чём-то вроде: «Мы столько лет ненавидим друг друга, да мы почти родня!» У меня – не так. С друзьями я дружу, а с теми, кто испортил мне школьную жизнь – я не дружу. Это довольно просто и логично, и я не понимала, как можно видеть ситуацию иначе?

Или это лишь ширма, и на самом деле, внутри нашей четвёрки все мы знаем, кто и кем друг другу приходится. И в частности, что Карпов мне – враг!

– Ладно, пошли, – Женя первым сбежал по ступеням вниз.

Мы последовали за ним.

Оля принялась вести разговор, и мне он не казался интересным. Скучно, буднично, ни о чём... Она старалась говорить с Ваней, и он, как назло, поддерживал её и слушал, словно это могло быть ему интересно.

Я сама не поняла, как мы с Женей отделились от Вани и Оли. Наверняка происки Северовой! Она хитрая! Вот и сейчас: отвлекает Ваню болтовнёй, чтобы мы с Карповым побыли вдвоём. Тьфу!

И Женя хорош! Нет, чтоб прервать скучную болтовню и предложить свою тему – он просто отстал вместе со мной, чтобы не слушать. Мы брели по каштановой аллее вдоль проспекта, и шум машин заглушал голос Северовой. Ей словно не было до нас дела, и она спокойно отнеслась к тому, что мы остались далеко позади.

Ну, Северова! Пригласи меня ещё хоть куда-нибудь с тобой пойти!

В городе давно зажглись огни, но мы свернули от проспекта на улочку, укрытую вечерней темнотой – не непроглядной, но чарующей. Мы с Женей шли молча, прислушиваясь к разговорам Оли и Вани, но не вступая в них и как-то незаметно отставая, неосознанно не желая больше подслушивать их бестолковые диалоги.

Карпов заговорил первым.

– Наверно, самое время для ностальгических воспоминаний? – спросил он у меня.

Его голос был спокойный, вид – немного задумчивый, и

потому я не стала портить момент – всё-таки если мы выросли, и наша вражда сменилась обычными отношениями бывших одноклассников, то так тому и быть!

– Только не про первый класс, хорошо? – попросила я. – Ту давнюю историю мне и так Оля припоминает постоянно.

– Ладно, давай не ту историю, – покладисто согласился Женя. – Какую тогда?

– На твой выбор, – ответила я с сарказмом и посмотрела в его глаза с интересом.

Было уже почти темно, немного таинственно, и глаза Женьки весело блестели, а мне стало ужасно интересно, какую из историй он вспомнит. Главное, чтоб не про поцелуй...

Глава 4

Мне повезло. Женька не то не решился озвучивать воспоминания, которые могли стать причиной нового раздора, не то и правда не придавал особого значения тем историям, которые больше всего запомнила я.

Так что про поцелуй мне слушать не пришлось. Зато Карпов рассказал о школьных буднях.

Однажды, в самом начале седьмого класса, нас с Олей решили рассадить. Это было довольно трудно сделать, потому что вариантов, как нас рассадить нашлось не так и много. Мы, дети с отличным зрением, оказались такой редкостью, что хоть в красную книгу заноси.

Сперва Вера Васильевна хотела меня посадить с Женькой Карповым, и это было самое страшное, что я только могла себе представить.

– Нет, только не с Женей! – закричала я, вечно тихая девочка, чуть ли не на весь класс, когда учительница обрадовала меня своим решением.

Женщина посмотрела на меня удивлённо: её поразил мой громкий голос, которого она прежде не слышала. Я даже стихи читала тихо, еле слышно, так что всем приходилось едва дышать, чтобы хоть что-то разобрать.

Но за лето я выросла, поумнела и теперь мне было совершенно не страшно говорить громко.

– Хорошо, – кивнула Вера Васильевна, поправив очки. – Тогда Оля Северова сядет к Артёму.

– За что?! – громко возмутилась Оля. – Это нечестно! Почему из-за Карпова я должна сидеть теперь с Артёмом?! Я вообще отличница, мне надо уступать!

Вера Васильевна поджала губы и поправила причёску, обдумывая Олин аргумент. Минутное размышление привело её к тому, что Северова права. Всё-таки Оля училась отлично, а о том, что от Артёма вечно пахнет псиной знали все, хоть и делали вид, что не замечают. Всё-таки у нас учились тактичные и милые дети.

– Ладно. – Вздохнула учительница. – Сейчас подумаем, как тогда рассадить вас, вместе с Жаворонковой вы не можете нормально сидеть!

К седьмому классу я научилась не бояться подавать голос. Всё ещё терялась, если меня несправедливо обвиняли, но боролась с этим. А подавать голос научилась в совершенстве. И потому крикнула:

– Хочу сидеть с Артёмом! – заявила я.

С ним никто не хотел сидеть – по понятной причине. Но я готова была пойти на любые жертвы, лишь бы меня не посадили с Женькой.

Тогда, делая отчаянный шаг, я не знала, что Карпов нагло обоснуется позади меня. Его законное место было совсем на другом ряду, но он безнаказанно пользовался тем, что не по всем предметам учителям есть дело до того, кто где сидит. И

он садился за мной. И доставал ничуть не меньше, чем когда сидел впереди.

На таких уроках Оля часто менялась местами с Артёмом, чтобы всегда иметь возможность защитить меня от Жени. Однако её приоритеты менялись, и она часто старалась учиться, не отвлекаясь. Так что сидеть с Артёмом мне даже начинало нравиться – Северова становилась невыносимой, если предмет интересовал её. А интересовало её практически всё.

– Прекрати, Карпов! – в тот день я была с длинной косой, заплетённой необычным плетением. Эта коса манила Женьку, и он играл с ней карандашом уже минут пять. Резко обернулась на мальчишку, что сидел за партой позади и гневно окинула его взглядом. – Достал уже!

– Тихо! – Оля легонько толкнула меня в бок локтём. – Не мешайте мне!

– И Северова достала, – буркнула себе под нос я, вновь обернувшись на мальчишку, что смотрел на меня своими голубыми глазами, которые казались тогда ещё самыми глупыми на свете.

– Ну хватит, Ника! – взмолилась Северова. – Я же слушаю, ну!

Я безнадёжно вздохнула, и тут услышала комментарий Карпова:

– А ты, Северова, Вороне не "нукай", не запрягла!

Это прозвучало, как защита. Словно этот мальчишка за-

ступился за меня перед моей не в меру серьёзной соседкой по парте.

И я улыбнулась. Впервые в жизни я улыбнулась Карпову. И то только потому, что точно знала: он не увидит этой улыбки.

– Ага, Карпов, влюбился всё-таки? Не можешь далеко от Нички долго сидеть? – спросила у него Оля.

Это её «ага, влюбился» было похожим на секретное словосочетание, которое обычно заставляло Женю отвернуться и на какое-то время забыть про меня.

Но не сегодня. Сегодня настроение у него было на высоте, и он так просто сдаваться не собирался.

Он снова дотянулся карандашом до моей косы и я, почувствовав это, вновь обернулась:

– Я пожалуюсь Вере Васильевне! – пригрозила я.

– А я её не боюсь! – отозвался осточертевший голос с задней парты, и я подумала, что он храбрится.

Чем могла помочь Вера Васильевна, я и сама толком не знала, но на перемене всё же подошла и пожаловалась:

– Пересадите меня! Или его! Он вообще не там должен сидеть! Но не все учителя следят, чтоб все на своих местах были! Невозможно же так!

Вера Васильевна была молодой и безумно нравилась всем детям, так что надежда на понимание у меня имелаась, хоть у нас с этой женщиной и были сложные отношения.

– Так, давай по порядку: и чем же тебе не угодил Женя? –

спросила учительница с интересом.

Пришлось перечислять всё, чем меня Карпов не устраивает в качестве соседа с любой стороны:

– Женя вечно ко мне пристаёт, карандашом с косой моей играет! – Я схватила косу, чтобы нервно теревить её, и сейчас это оказалось как раз кстати: я продемонстрировала её Вере Васильевне. – Я на него ругаюсь, а меня за это Северова в бок локтём тычет! А тычет она больно, потому что обижается, что мы отвлекаем. Карпов, получается, нам обеим мешает! А она отличница, ей мешать нельзя! – решила и я использовать этот козырь, раз он отлично прокатывал у Оли.

– Но Северовой-то не он мешает, когда все правильно сидят, – огорошила меня этим Вера Васильевна, в потом добавила: – Он же и за ней сидит. И коса у неё тоже есть. А мешает он почему-то только тебе, – она сделала паузу, и я уже заранее нахмурилась, понимая, что разбираться с надоедливой мальчишкой придётся самой. – Значит, ты сама виновата. Даёшь повод.

Вот тут я совсем опешила. Повод? Да какой повод! Карпову не нужен повод! И вообще, почему так? Как всегда, с этим Женей! Я за помощью пришла, а оказалась виноватой...

Стало очень обидно, и я с тех пор никогда не считала Веру Васильевну самой лучшей учительницей, потому что точно знала, что та была не права. Она разрушила мою веру в справедливость, а с её именем это было равно преступлению. Вера Васильевна разрушила мою веру в справедливость.

Глава 5

Да, со времён школы, когда Северова тыкала меня локтём в бок и стремилась к знаниям, ничего не поменялось. Она всё также отлично училась и также больно толкалась. И я всё также нет-нет, да и бурчала себе под нос: "И Северова достала!"

Так что историю, рассказанную Женькой только что, я отлично помнила, но Карпов пересказал её со своей стороны. Каюсь, я почти не слушала его, погрузившись в свои воспоминания. Я бы слукавила, если б сказала, что поход в школу не всколыхнул никаких чувств. На самом деле что-то тёплое и доброе я ощущала от этой встречи с теми, с кем некогда училась. Хорошие ребята, что ни говори! Хорошие, раз самый плохой из них – Женя Карпов, который сейчас провожает нас с Олей домой и мило ностальгирует.

– Ради того, чтобы не сидеть со мной за одной партой ты готова была терпеть Артёма? – поразился Карпов.

Я пожала плечами, пнув пустую банку из-под колы, как раз попавшуюся на пути. Женя догнал её, не дав далеко укатиться, и паснул мне.

– Он хотя бы не доставал меня, – ответила я, прислушавшись к своим чувствам.

– Зато от него воняло, – нашёлся Карпов.

– Зато он не доставал, – легко парировала, хоть и однооб-

разно. — Кстати, я его видела недавно в магазине, — вспомнила я. — Хорошо живёт... и с девушкой к тому же, с симпатичной. Вместе за продуктами ходили, и я их встретила, еле узнала! Прикинь?

— Не удивлён, — Женя подождал, пока я пну банку ему, и она с грохотом покатится по асфальту. Поймал и снова паснул мне. — В его случае надо было срочно искать девушку и жить с ней — кто-то же должен нормально стирать ему вещи, не вонять же всю жизнь!

Я нахмурилась. Никогда ни с кем, кроме Оли, вслух не говорила о том, что вещи Артёма неприятно пахли, и никогда не считала это чем-то, что можно обсуждать так легко и просто. У человека, может, были проблемы в семье, но он оставался хорошим парнем, и потому никто никогда не попрекал его этим запахом от вещей, хоть и все его чуяли.

Но сейчас мой самый ненавистный одноклассник глумился над моим лучшим соседом по парте, и я считала это неэтичным, некрасивым и вообще противоестественным.

И потому я сердито пнула банку в другую сторону, чтобы прекратить эту игру. Потому что мило играть с Женей после его слов — это перебор. Нахмурилась, отвернулась и дальше шла молча.

— Эй, ты чего? — удивился Карпов.

Вот! Вот его истинное лицо! Даже не понял, что мне не понравилось!

— Мне неприятно разговаривать с тобой, — честно ответи-

ла я.

Может, Северова права? И я становлюсь интровертом социофобом, который может просто так ответить собеседнику, что он неинтересен и уйти по своим делам? Что ж, тогда я определённо выбрала верную специальность! Потому что тратить время на тех, к кому не лежит душа – это не по мне. Особенно на Карпова.

– Ладно, проехали про Артёма, не дуйся, – всё-таки сообщил он. – Про кого из школы ещё что знаешь? – продолжил стандартный набор вопросов Женька.

Или не стандартный? Или он хочет узнать про кого-то конкретного? Например, про свою бывшую девушку Элину, которая сегодня так и не пришла?

Захотелось ответить как-то язвительно, чтобы достойно отомстить за Артёма.

– Знаю, что твоя Элина считает, ты паршиво целуешься, – ответила я честно. – Встретила её однажды в универе, мило поболтали.

– Обо мне поболтали? – удивлённо переспросил он. Деланно удивлённо. На самом деле глаза смеялись, и парень явно издевался.

– Как видишь, – ответила я хмуро.

Когда он так смотрел, мне казалось, что я проигрываю, и что он глумится надо мной. Словно в подтверждение моих мыслей Карпов неожиданно рассмеялся, а потом предложил:

– Хочешь поцелую, напомню, каково это – целоваться с

паршиво целующимся?

Я нахмурилась уже явно. Женя обнаглел и теперь припоминал историю с поцелуем. Это было непростительно.

– Веселишься? – грозно спросила я.

– Да, – честно ответил он. – А почему нет? Ты меня не удивила. Элине от меня помощь нужна была по учёбе, это дураку ясно. А мне от неё – тоже кое-что надо было...

– Я даже догадываюсь, что, – хмыкнула я. – Хотя, мне не жаль вас обоих, если вы решили так друг с другом расплатиться.

Он смотрел на меня, как на ненормальную и забавлялся. Улыбка не сходила с его лица, но, когда до него окончательно дошло, на что я намекаю, парень немного посерьёзnel и как-то даже обиделся.

– Я паршиво целовался с ней, потому что вообще не собирался этого делать, – произнёс он с таким видом, словно это могло быть для меня важным.

– Мне плевать, – честно призналась я, но он не поверил:

– Настолько плевать, что с девчонкой, с которой ты никогда не общалась, ты решила обсудить, как ей было со мной?

Я закатила глаза. Как обычно, всё вывернет так, словно это он мне нужен или, по крайней мере, интересен! Но как бы не так!

– Ты же сам меня проводить захотел! Не так уж и темно на улице, вон, фонари кругом горят! И многолюдно! Так что не надо тут на меня свои чувства проецировать! – Он посмот-

рел на меня удивлённо, и я ввернула коронную Олину фразу: – Ага, влюбился!

Карпов фыркнул, отворачиваясь, а потом спросил:

– Тебя Северова, что ли, покусала? Или как это сумасшествие передаётся?

– Не покусала. И не передаётся. – Ответила я, обрадованная, что удалось сменить тему. – Сам говорил, что почти скушал по этой фразе! Так что вот, слушай, радуйся: «Ага, влюбился!», «Ага, влюбился!», «Ага, влюбился!»

Теперь веселилась я. Я знала, как здорово эти слова помогали отшивать от меня назойливого Женьку, и была уверена, что инстинктивно он отстанет и теперь, по привычке. Хотя сейчас совершенно не важно, влюбился он или нет, да и само слово «влюбился» давно не воспринималось обзывательством никем, кроме нас четверых.

– А если да? – неожиданно спросил у меня он. – Вот если да, влюбился? И что ты будешь делать?

Я растерялась от подобного поворота, но Женька рассмеялся, едва не тыча в меня пальцем. Рассмеялся так, что мне отчего-то стало обидно. И я даже могла объяснить, отчего.

Это я не могла влюбиться в него, потому что он вредный и потому что он сверхненадёжный, это я с первого класса уяснила. А вот почему так смешно, что он мог бы влюбиться в меня, я не понимала.

А подлый Карпов смеялся так, словно говорил: «Ворона, ну ты себя видела? Ну кто в тебя влюбится?»

А я сегодня была той школьницей, которую легко задеть и обидеть, и потому смех бывшего одноклассника вызвал у меня желание больше его не видеть. А лучше вообще ударить. Жаль, ни учебника, ни толстой тетради под рукой не оказалось, чтобы треснуть нахала по голове!

– Дурак ты, Карпов! Ненавижу тебя! – крикнула я ему то, что крикнула бы та школьница, которой я была не так уж и давно.

Крикнула и рванула через сквер к своей парадной, чтобы Женька ни в коем случае не узнал, где я живу! Если только Северова не сдаст...

– Эй, ты чего? – не понял он и ринулся за мной.

Но где там! Я через этот сквер срезала путь много лет и знала каждое дерево и каждую клумбу!

Домчалась до плакучей ивы и спряталась за ней.

Услышала голос Оли:

– Боже, Женя, ну ты как всегда! – она сказала это таким тоном, словно Карпов безнадежен. – Да стой уже, не догонишь!

– Адрес дай! – потребовал он. – Ничего ж обидного не сказал – чего она?

Ой, как же остро хотелось просто врезать ему учебником по башке! Всё равно ведь словами не объяснить, чем обидел...

Я стояла и надеялась, что Оля не выдаст, где я живу. И Оля не подвела.

Она заговорила строго и уверенно, как и подобает королеве, к которой пришли с прошением, но она отклоняет его:

– Адрес не дам. И вообще, что это такое: два года не виделись, а даже десять минут нормально пройти не смогли! Тебе, Карпов, надо к специалисту обратиться со своей нездоровой влюблённостью, – посоветовала она.

– Это к какому же? – ехидно уточнил Женя. – К колдуну по приворотной магии?

– Ко мне, дурачок! – вздохнула Северова. – Мне как раз практики не хватает, а ты – запущенный случай, не всякий возьмётся! А Нику ты зря обидел – у неё всё хорошо в жизни, и влюбляются в неё регулярно, так что тебе научиться бы нормально её воспринимать. Как прекрасное, но недостижимое для тебя создание!

– Да иди ты! – ответил Женя и направился в мою сторону.

Я замерла, боясь, что он заметит. Но он не заметил и прошёл мимо, погружённый в свои мысли. Спустившаяся на город темнота сыграла мне на руку.

Карпов ушёл.

Мы с ним тогда не знали, что про свою практику Оля не пошутила...

Глава 6

Вам когда-нибудь случалось на себе испытывать выражение «мир тесен»? Это такое уютное выражение, которое обычно ничего дурного в ассоциациях не вызывает. Наоборот, только приятное, только хорошее и только позитивное. Например, встреча с каким-то давно позабытым другом или преподавателем с первого курса, который всегда ставил хорошие оценки просто по доброте душевной. И вот потом оказывается этот прекрасный человек соседом по даче или по дому, или вообще ходит с твоей подругой в один и тот же кружок йоги. И вот тогда можно покачать головой и с тёплой улыбкой произнести это самое «мир тесен».

Но он тесен не только в хорошем смысле. Оказалось, что и в плохом – тоже, причём крайне невовремя.

Никакой сногшибательной истории за моим плохим «мир тесен», вообще-то, не скрывалось. За этим скрывался всего лишь Женька Карпов. «Всего лишь» – тоже оказалось понятием растяжимым. С одной стороны и правда «всего лишь Женька» – ничего не представляющий из себя, совершенно не интересный мне парень. С другой – ничего не «всего лишь»! Потому что я не желала ни видеть его, ни знать о нём, ни тем более что-либо о нём слушать.

Но каждый мой одноклассник считал своим долгом при случае рассказать мне о Карпове. И я ещё могла понять тех,

кто рассказывал мне про его неудачи, а вот тех, кто про успехи – не понимала совершенно. Они словно рассчитывали, что я сорвусь с места и помчусь портить Женьке жизнь.

Но мне не было до него дела. Он пропал из моей жизни с окончанием школы, и это меня очень радовало. И даже эпизод со встречей выпускников был не в счёт: мы тогда пообщались мало, но и этого мне хватило, чтобы утвердиться в своём мнении: Женя не изменился, и нам по-прежнему не по пути.

И вот внезапно, в самое неподходящее время мир оказался тесен, и в нём снова встретились я и Карпов. И не мимо­лётно встретились, а надолго, конкретно так, что и не отвер­тишься.

Это произошло недавно, как раз с началом летней практики.

Я могла пойти, как все, на предложенные университетом места, где практику ставили просто так, где ничего не нужно было делать, и где я б точно не повстречала Женьку. Но я пошла другим путём. Из-за Оли.

– Вот вечно тебе неймётся, – говорила мне подруга семьи тётя Милена. – Пойдёшь спокойненько, отходишь, получишь подписи, и всё – да здравствует лето и отдых!

Мы сидели в здании кафе, ели мороженное, солнце припекало через стекло, и лета и отдыха хотелось невероятно. Но приходилось смотреть в будущее и признавать, что времена, когда всё лето было моим, прошли. И, чтобы потом

иметь возможности полноценно отдыхать на даче, надо сейчас прошарить себе хорошую работу, где и платить будут, и в отпуска запросто отпускать. А то и вовсе уйти на фриланс – это модно и не лишено смысла.

– Не получится у меня лето и отдых в этот раз, – вздохнула я, откусывая вафлю от мороженного. – На работу потом устраиваться, опыт нужен... У меня уже есть на примете парочка мест – там платят немного, зато и практику поставят, и потом можно остаться работать на полставки. Отличный вариант!

Тётя Милена посмотрела на меня с сочувствием. Она вообще не любила всё это: практичность, продуманность, заделы на будущее... Предпочитала жить здесь и сейчас, ловить момент и не уступать обстоятельствам и даже самим законам жизни. Пока что это у неё прекрасно получалось, но в этом отчасти была заслуга её родителей, которые всячески помогали ей и не разрушали её стереотипы. И хоть тётя была уже взрослым человеком, с ней всегда было легко и круто, как с подружкой!

– Ладно, но ты хоть иногда на даче появляться-то будешь? – с надеждой спросила Милена, которая любила природу не меньше, чем я, и потому постаралась устроиться в жизни так, чтоб летом максимально отдыхать. И, будучи другом семьи, купила дачу недалеко от нашей.

– Буду я появляться по-любому, – ответила я. – Как иначе-то. У вас летом днюха, у мамы – тоже. Так что два раза,

как минимум, приеду.

Милена погрузилась, и я поспешила заверить её, что всё не так уж и плохо:

– Да ладно, шучу я! Выходные ведь у меня будут, не в городе ж их просиживать! Конечно, буду приезжать, соскучиться не успеете! Да и как знать – может будет так себе опыт. Отработаю две недели практики, и уйду!

Тогда я была преисполнена надежд, уверенности и ожидания лета. Любой расклад меня бы устроил, и я бы нашла, чему порадоваться! Первая работа, дачные приключения и ожидание конца сессии не могло омрачить даже обещанное гидрометцентром холодное лето. Холодное – даже и лучше! Не жалко просиживать на работе! Как раз всё сходится!

– Когда ты так рано радуешься, вечно что-то потом идёт не по плану, – предостерегла Милена, задумчиво намотав на палец рыжий локон.

Я улыбнулась: да, именно так обычно и бывает в моей жизни. Но я наивно полагала, что в этот раз получится иначе.

Глава 7

/Девятый класс/

Ранняя весна пела голосами птиц, трепала волосы свежим тёплым ветром и дарила ощущение безграничной влюблённости в этот мир, согревая лучами озорного солнца самые холодные уголки души.

Наш класс отпустили пораньше. Просто так.

Это бывало не часто, но иногда везло, как сегодня, и все мы торопились покинуть школьный двор, словно опасаясь, что вот сейчас нас заставят вернуться в класс, где на доске остался нестёртым пример по ненавистной геометрии.

Я шла с Северовой, глядя на облака и не замечая ничего вокруг, как вдруг Оля ехидно прокомментировала:

– Думает, он ей нужен! Ха! – и подозрительно ускорила шаг.

Я вообще не поняла, о ком она. Огляделась. Позади нас брёл Ванька Гудвин под руку с какой-то девчонкой, ещё несколько парочек спешно догоняли нас, выворачивая со школьного двора, а впереди...

Впереди неторопливо шёл Карпов со своей девушкой. Шёл так, словно единственный не боялся, что его вернут в класс, и потому не спешил уйти как можно дальше от школы. Он шёл с белокурой Элиной Фокиной, и молодые люди держались за руки, нежно глядя друг на друга. Элина была

красива и женственна, постоянно занималась спортом, следя за своими мышцами, который позавидовали бы все фитнес тренеры.

— А-га, — проходя мимо, шепнула Оля на ухо Карпову, благодаря росту позволял ей это сделать.

«А-га» — это было сокращением фразы «Ага, влюбился!», потому что её не всегда было удобно кричать на весь класс при учителях. А вот безобидное «А-га» — вполне можно выкрикнуть в любой ситуации, и посвящённые точно поймут, о чём речь, а непосвящённые пропустят мимо ушей. С самого второго класса, когда Оля впервые возопила «Ага, влюбился!», Северова не упускала возможности напомнить Карпову о его любви ко мне всякий раз, как он подворачивался под руку. И вот в последние годы фраза «Ага, влюбился!» плавно преобразовалась просто в «А-га!», но все мы и половина нашего класса отлично знали, что скрывается за этими тремя буквами.

Лично я не собиралась обгонять влюблённых и предпочла бы просто свернуть на другую улицу. Все ребята шли из школы раньше времени, и лично мы с Олей никуда не торопились, так что вполне могли и обойти этого типа с его девчонкой. Прекрасный день — отчего бы не прогуляться и не насладиться весной?

Но Оля не могла так. Вот и сейчас, крепко вцепившись в мою руку, Северова пошла на обгон парочки со стороны Женьки и шепнула ему своё «а-га».

Он повернулся к нам и улыбнулся Оле. Я, честно, вообще на него смотреть не собиралась, но всё равно не удержалась. Ожидала, что он привычно что-то буркнет в ответ, но нет, парень одарил Олю очаровательной улыбкой, подмигнул и ответил: «А-га!»

Я восприняла это, как утверждение. Да, он влюбился. В Элину, очевидно. И потому настроение у него слишком прекрасное, чтобы ехидничать в ответ на «а-га!»

Но мы уже мчались вперёд, я изо всех сил старалась утянуть нас с Олей подальше от этого неадеквата с его неожиданно показавшейся мне красивой улыбкой.

К девятому классу все наши мальчишки изменились и повзрослели. Одни как-то замкнулись в себе, другие же, наоборот, вдруг стали классными и востребованными. Оля не встречалась ни с кем из наших, а я часто гуляла с Артёмом из параллельного. В отличие от нашего одноклассника с таким же именем, от этого всегда пахло приятно, он следил за собой, но не безумно тщательно, а в меру, как и положено настоящему мужчине. Он не ходил в тренажёрку и не постил пафосные посты о том, как прокачать ту или иную группу мышц, но при этом занимался спортом и фигуру имел отличную. И мускулы, и рост, и обаятельное лицо – всё было при нём.

Я с ним просто гуляла, даже не целовалась и не собиралась этого делать, потому что Артём, хоть и был внешне безупречен, в общении оказался жуткий зануда. Но встречи с

ним помогали мне самоутвердиться и убедить окружающих, что у меня имеется некая личная жизнь. Причём довольно неплохая – с таким-то красавчиком!

Артём всегда держался в школе особняком, но его все уважали. Так что о том, что он редкостный зануда, знала только я, а вот о том, что он потрясающе красив и что мы с ним часто бродим вместе вечерами знали все, и это мне нравилось.

И вот сегодня я впервые заметила, что у Женьки красивая улыбка. Знаю, что это вышло случайно и ошибочно: он просто шёл со своей Элиной и не смог вовремя перестроиться или просто не захотел вестись на провокацию Оли. И потому у меня осталось странное неприятное чувство, словно этот нежный взгляд и эту очаровательную улыбку мы... украли. В этом было что-то личное, а мы украли. Это как подсмотреть в чужой дневник и узнать о человеке что-то прекрасное, но не предназначенное для тебя, что-то, что могло бы расположить тебя к этому человеку, но по факту лишь ложится неприятным осадком на совесть.

– Да не тяни ты так, Ничка! – возмутилась Оля. – Растянешь мне свитер!

Я нахмурилась в ответ. Какой может быть свитер, когда я только что видела ненавистные глаза влюблёнными, а губы, вечно искривлённые в усмешке, нежно улыбающимися! Да у меня психологическая травма!

– Это некрасиво было, – заметила я, желая донести до Северовой суть, но, как всегда, потерпела неудачу.

– Вот, уже лучше, – похвалила Оля. – Ты права, тянуть людям одежду – это некрасиво...

– Да при чём тут твой свитер! – возмутилась я, опасливо обернувшись на парочку, которой не было до нас дела. – Я про этих двоих! Некрасиво было отвлекать с этим «ага», да и глупо это...

– Это для тебя глупо, да? – набычилась подруга. – Карпов тебе всю жизнь испортил! Испортил и даже не попытался ничего исправить, извиниться там или типа того... Так что теперь пусть всю жизнь о тебе помнит!

Он помнил и так, это было заметно с каждым подколом, с каждой усмешкой и с каждой моей очередной испорченной тетрадкой. И, если уж быть честной, он, помнится, как-то извинялся, давным-давно, но я не сочла его порыв выразительным. Потому что сложно давать оценку искренности и извинениям, когда ты всего лишь в первом классе.

Да и вообще, теперь дело шло к окончанию школы, а та история, которую Оля именovala «он тогда испортил тебе жизнь», произошла в первом, и теперь не имела какого-то важного значения.

Я вздохнула:

– Ты всю жизнь будешь ему «ага» говорить при встрече?

– Ага, – ответила Оля. – А что? Я вот реально считаю, что он влюбился! Иначе б не бесил, а постарался загладить свою вину или не напоминать о себе. А ему прям нравится тебя бесить!

– По-моему, это тебе нравится его бесить, – улыбнулась я снисходительно. Мы замедлили шаг, и больше не убегали от школьных знакомых, а просто шли, как и подобает идти по улице весной: беззаботно болтая и звонко цокая каблучками. – Только его не бесит это всё, ему вообще пофиг.

– Ах так! Пофиг ему, да? – разозлилась Оля, резко остановившись.

Это мне сразу не понравилось. Словно в подтверждение моих плохих предчувствий облако заслонило солнце, и ветер сменил направление, сделавшись холодным.

– Да пошли, Оль, – я вновь вцепилась в её свитер, надеясь избежать проблем.

– Растянешь! – испугалась она, а потом посмотрела мне в глаза своими сердитыми и заявила: – Значит, так! Ты – моя подруга, единственная! – при слове «единственная» я подумала, что и не удивительно. Больше Олю никто не вытерпит, кроме меня. – Так что, если этот гад думает, что может быть счастлив после всего, что он сделал...

– Да он ничего не сделал ведь... – неожиданно для себя самой заступилась я за Женьку. – Ну детьми ж были... А что потом так и понеслось, что типа ненависть и прочее – это ж так, это ж несерьёзно... Ну детская ненависть и ненависть взрослого человека – разницу чувствуешь? – на самом деле я не считала, что ненавидела его тогда, и что Карпов сломал мне жизнь – тоже. Он просто был неприятным мне человеком, с которым очень скоро пути разойдутся, и всё станет

неважным.

— Ника, ты со своим Артёмом вообще уже скоро станешь рассудительной до зубного скрежета. Занудой станешь, ясно? — пригрозила она. Да, Оля — одна и единственная посвящённая, кто знал об Артёмовской занудности. — Карпов в тебя влюблён, с первого класса, это я тебе точно говорю. Надо не дать ему забыть об этом, и однажды он приползёт к тебе прощения просить!

Я растерялась, представив себе это. Ну, что Женька станет просить у меня прощения... Это как извиняться через сто лет за сломанную в песочнице игрушку. Да, мы ненавидели друг друга, но эта ненависть была выращена, слеплена, как снежный ком, и никакие извинения мне нужен не были, равно как и его влюблённость.

Но Оле это было не объяснить. Она помнила тот день, разделивший мои отношения с Карповым на до и после. А также мою школьную жизнь в целом... Хотя, с Карповым у нас не заладилось с первого моего дня в школе, но именно открытое, официальное противостояние началось чуть позже.

Станным образом Оля все эти годы хотела отомстить за меня. Скорее от нечего делать, чем от чувства справедливости, но желание это неугасимо горело в ней. И, как у меня была вечная союзница Северова, у Женьки был Гудвин — считающий нас своими врагами и охотно помогающий Карпову во всех начинаниях.

В тот весенний день произошло то, что перевело наше

противостояние на новый, более взрослый уровень. На уровень, который выше рисования в тетрадках и криков «Ага, влюбился!»»

Я не успела ничего сообразить, как Северова быстрыми шагами направилась к ничего не подозревающей парочке. Оля выглядела грозно, как по мне, но больше ни на кого подобного впечатления не произвела, и её заметили далеко не сразу.

Тогда было не ясно, что она задумала, но я уже догадывалась, что добром дело не кончится. Оля быстро преодолела расстояние, отделяющее её от Карпова, а потом сделала то, отчего я замерла на месте с открытым ртом.

– Женька, я так скучала! – воскликнула она, подскакивая к нему, нагло повисла у него на шее... и поцеловала.

Не то, чтоб прям долго, но все видели, как она впиалась своими накрашенными губами в его, оставив на них след своей помады.

Я застыла в полнейшем шоке.

Элина быстро высвободила свою руку из Женькиной и, недовольно окинув презрительным взглядом сперва обнимающую Женьку Олю, а потом и ни в чём не повинную меня, воскликнула:

– Детский сад, Северова! Жень, разберись уже с этим!

– Ахахах! – рассмеялся проходящий мимо Ванька. – Да, Жека, ты влип с такими поклонницами! – и прошёл мимо них, а потом и мимо меня.

Элина присоседилась к Ване с его подружкой и пошла рядом с ними, обсуждая неадекватную Северову и бросая недобрые взгляды на меня. Они нашли шикарную неисчерпаемую общую тему.

Я стояла и не знала, что делать. Северова умела опозорить и себя, и меня, причём совершенно на пустом месте!

Карпов, опомнившись, скинул с себя Олю и, как и все прочие участники сцены, уставился на меня так, словно это я только что тянулась к его губам.

Я даже попятилась под его взглядом. Эти светло серые глаза ещё никогда не смотрели на меня так холодно и обжигающе одновременно. Хотелось сбежать, провалиться сквозь землю или быстро сказать что-то, чтобы всё исправить. Но слова не шли. Вроде бы научилась уже говорить в любых ситуациях, а тут раз – и снова голос дал сбой, а язык не слушался.

Я стояла и с ужасом смотрела, как Женька широкими шагами приближается ко мне, словно хищник к своей жертве.

А дальше случилось что-то совершенно дикое для меня.

Женька в одну секунду оказался рядом, словно телепортировался ко мне.

– Слушай, ты! – Он навис надо мной, и я хотела отступить ещё хоть немного назад, но широкие ладони легли на мои плечи и сжали их, не давая сдвинуться с места. – Отвали от меня, Ворона! И подружке своей сумасшедшей скажи, чтоб не лезла, ясно? Или это всё – твоя идея?

Я замотала головой. Говорить хотелось, но я не могла. Стоило бы сразу оттолкнуть Женьку и сбежать, я чувствовала, как краснеют от стыда щёки и как начинает щипать в глазах. Но оттолкнуть – не по силам, а отпускать он не намерен, поскольку явно ещё не всё мне высказал.

Плакать нельзя! Всё ужасно несправедливо, но надо держаться!

– Вот чего тебе надо? – продолжал вопрошать разгневанный парень, всё также угрожающе нависая надо мной и бурявая холодным взглядом. – Я ж тебя не трогаю. Отсел подальше даже, чтоб не видеть лишний раз. Вот что ты лезешь? Влюбилась, что ли? Так тебе никто кроме Артёма твоего не светит!

Эта фраза меня разозлила. Можно подумать, Артём чем-то хуже него! И, можно подумать, я могла бы влюбиться в такого глупого и противного типа, как он, Женька!

Я представила, что он разнесёт это по всей школе... Что типа я влюбилась в него и подсылаю Олю отваживать от него девчонок.

Это разозлило и отрезвило меня.

Отсел он от меня! Это Оля просто ругалась на нас уже так, что его все учителя стали контролировать, чтоб подальше от меня садился!

Разозлившись, руками уперлась ему в грудь и попыталась оттолкнуть, на что он усмехнулся:

– Что, силёнок-то нет, Ворона?

– Конечно, – отозвалась я зло, хоть голос и прозвучал жалко. Зато хоть прозвучал – уже победа! – Я ж не торчу все вечера в тренажёрках, как твоя Элина!

Это вышло само. Честно. Про Элину вообще не хотела... Просто представила, что он привык к физически сильным девушкам, раз водится с ней. Если её так схватил бы, наверняка получил бы достойный отпор. И ему это, может, даже в ней нравилось, но лично я не стеснялась того, что слабая. И, как говорила Оля, это тощей Элине стоило нарастить мышечную массу, чтобы хоть как – то обозначилась фигура, а со мной и так всё было в порядке.

Но всё равно сейчас не стоило про неё говорить! Теперь всё выглядело ещё более паршиво.

Я устояла на отворот Женькиного школьного пиджака, чтобы только не смотреть парню в глаза.

– Так и думал, – хмыкнул он. – Можешь бросать своего Артёма, если ты с ним, чтобы позлить меня. Мне, видишь ли, пофиг.

Чтобы позлить его? Надо ж, какое самомнение!

– Отпусти, – я решительно дёрнула плечом, показывая, что мне неприятно, но решение отпускать ли меня, оставалось за Карповым.

– А если нет, то что? – спросил он, и в голосе послышалась знакомая издёвка, которой я даже обрадовалась, поскольку в ней не было злости и холода. Она звучала так привычно, что я успокоилась: всё нормально, всё, как прежде.

Но я не знала, что ответить.

Ничего. Ничего не будет, если он не отпустит меня. К тому же всё равно мне не вырваться, разве что если не зарядить ему коленом между ног, но это как-то уж черезчур, ведь Женька не нёс мне реальной угрозы.

Нерешительно подняла взгляд и уставилась на парня, замерев от удивления. Он смеялся. Вернее, его глаза смеялись. Озорно так, насмешливо, с тенью любопытства.

Неужели думает, что рассекретил меня? Раскусил типа, что влюбилась, и что с Артёмом дружу «для него»?

Я растерянно смотрела на него, и вдруг ощутила, что ненавистные смеющиеся глаза становятся ближе. Медленно, как в каком-то неторопливом сне, Женька наклонялся ко мне, крепко удерживая, а я испуганно втягивала голову в плечи, чтобы хоть как-то сохранять расстояние от его лица.

Больше всего я боялась, что он поцелует. По-настоящему, так, как я пока ни с кем не целовалась и потому замерла и зажмурилась, поняв, что дальше голову втягивать некуда. Этот противный парень, который, как верно всё-таки заметила Оля, испортил мне всю школьную жизнь, мог сейчас в одночасье испортить и личную: не хотелось бы, чтобы первый поцелуй случился именно с ним и именно так. Хотя, про «именно так» – лишнее уточнение. Первый поцелуй не должен был быть с Карповым никогда и никак!

Что он хотел сделать, осталось для меня тайной, поскольку ситуацию спасла Оля, которая взяла и по- простому вре-

зала Карпову по голове учебником по геометрии. Действительный, с первого класса не одним поколением проверенный способ!

Я замерла, услышав удар, а Женька – ощутив его.

Распахнув глаза, я встретила с его взглядом, хмурым и каким-то разочарованным.

Карпов обернулся на Олю, и та сказала ему недовольно и строго:

– А ну не лапь Ничку! – и пригрозила учебником.

Он отпустил меня тут же, а потом вновь глянул и качнул головой укоризненно:

– Права Элина – детский сад.

Он пренебрежительно фыркнул, отпустил, а потом щёлкнул меня по носу, сказав:

– Расслабься, Ворона! – и пошёл быстрыми шагами прочь, в сторону, куда ушла Фокина.

В тот день я впервые заподозрила, что что-то не так. С Олей. Она отнюдь не походила на «детский сад», если только дело не касалось Карпова... Странная догадка, что это она могла влюбиться в него, а не он в меня, осенила меня в тот вечер, но я так и не озвучила её никому, решив выждать и понаблюдать.

В ту ночь мне впервые снился Женька. И там, во сне, он всё же поцеловал меня. Странно, но это не вызвало жгучего разочарования первым настоящим поцелуем. Может быть, как раз потому что «настоящим» он не был, раз лишь при-

снился в странном сне.

Глава 8

После того непонятного сна я долго валялась в кровати и смотрела в потолок, по которому то и дело пробегали отсветы фар проезжающих по улице машин.

Я лежала и вспоминала тот день, который стал переломным в моих отношениях с Женькой. Тогда я, признаться, не думала, что те события станут важными, что именно тогда творилась важная часть истории моей школьной жизни. И жизни в целом, если так подумать.

Тот день, когда всё пошло не так, не предвещал ничего дурного. Наоборот, всё начиналось прекрасно: мы с классом отправлялись на экскурсию в Выборг. Это было отличное время для подобной поездки – осень, начало учебного года, первый класс.

Мы тогда все так мало друг друга знали, но я уже подружилась с Олей, потому что не подружиться с ней после того, как она пересела на место Артёма рядом со мной, было невозможно. Тогда я и представить не могла, что потом, спустя годы, с радостью буду сидеть с Тёмой, предпочтя его Оле и Женьке.

Придя в школу, я не знала почти никого, потому что пошла в учебное заведение не по прописке, и потому на этой экскурсии мне было ужасно интересно пообщаться в других детях в необычной обстановке.

Прекрасная ведь была затея! Золотая осень, масса впечатлений от первой в жизни совместной поездки, знакомства, которые должны потом перерасти в дружбу на век... или в ненависть на век, как в моём случае.

В автобусе со мной села, конечно, Оля. У нас с ней сразу сложились добрые товарищеские отношения, поскольку она всегда охотно защищала меня от Женьки. И не давала слова его другу – Ваньке Гудвину, который вечно норовил вписаться в наши словесные перепалки, инициатором которых неизменно был Карпов.

За время первого месяца учёбы мы с ним и Олей как-то часто менялись местами, но в пределах последней и предпоследней парты и крайнего ряда.

В первые дни Женька сидел перед нами.

И с самого первого сентября он любил обернуться и как-то напакостить мне, но меня это не очень раздражало, а вот Оля не прощала ему не малейшей шалости в мою сторону. Она, как оказалось, ходила с ним в один детский садик и потому считала своим долгом защитить меня от старого знакомого. Она вообще училась в садике с половиной нашего класса, и успела ещё там со всеми разругаться, так что теперь дружила исключительно со мной.

Где сел в автобусе этот тип, Женька, я не обратила внимания, а вот Оля заметила и сказала, облегчённо вздохнув: – Фух! Карпов с Ванькой сели в начале, отлично! Я пожала плечами. Мне было наплевать, где сел Карпов.

С поездкой не заладилось с самого начала – у автобуса пробилося колесо ещё на трассе, и водитель стал менять его. Повезло, что это происходило за городом, и мы с учительницей и несколькими сопровождающими родителями пошли гулять по садоводству, в котором оказались.

Пригород пах спелыми яблоками, радовал глаз красными гроздьями рябины и манил пройти по кривым улочкам.

– Вы можете прислать нам другой автобус? – нервно вопрошала в трубку телефона Селёдка, обладательница точёной фигурки и копны светлых завитых волос, которые то и дело нервно поправляла. – Почему нет? Я не понимаю, как можно так организовывать поездки!

Пока она с кем-то ругалась, мы беззаботно гуляли.

Я заметила, что Женька с Ваней уже нарвали где-то яблок, и теперь были довольные и гордые.

Оля потянула меня к ним. Она уже тогда не любила, когда про неё забывают или обделяют.

– А нам? – спросила она строго у мальчишек. – Мы же тоже яблок хотим!

Лично я не очень хотела, если честно. Но стало интересно, как ребята отреагируют.

А они отреагировали просто. Как будто и не доставали нас никогда, а относились ровно и адекватно.

– Да берите – не жалко, – пожал плечами Женька и достал из карманов два яблока.

Протянул их нам в двух руках, и я с сомнением посмотре-

ла на предложенный фрукт. Казалось, что должен быть под-
вох! Но его на первый взгляд не было.

И на второй – тоже. И вообще, всё было нормально: и ре-
акция Женьки, и яблоки.

Тогда я вдруг подумала, что и правда поездка может по-
мочь нам наладить общение, раз начало уже положено.

– Спасибо, – поблагодарила я за угощение.

Оля тоже поблагодарила и тоже взяла яблоко. Ребята от-
влеклись на что-то, и я посмотрела на Северову удивлённо.

– Что? – не поняла она. – Делиться надо! А то дожили –
пока не попросишь, не угостят!

Она уже тогда была уверенной в себе и считала, что маль-
чики должны ухаживать за девочками, даже если у них про-
тивостояние. Потому что противостояние культуре не поме-
ха.

Случай с яблоком впоследствии казался мне каким-то от-
влекающим манёвром судьбы.

Когда автобус починили, нас спешно загнали в него, и мы
поехали. Кажется, жутко опаздывали, и Селёдка очень пере-
живала по этому поводу.

Но дальше добрались мы без приключений.

Всё окончательно пошло не так с момента, когда нужно
было разбиваться на пары у самого парка Монрепо, который
входил в нашу культурную программу. Этим занялась Се-
лёдка, почему-то перед посещением парка разрешившая ро-
дителям, которые ехали с нами, пока отправиться в город. У

них там были какие-то дела, которые они планировали сделать в свободное время, но свободного времени из-за колеса не предвиделось.

Вообще, когда искали взрослых для сопровождения, выяснилось, что никто ехать не хочет, но, благо, нашлись те, кто согласился, но с условием, что им дадут время на личные дела.

Это было крупной ошибкой.

И вот всех уже разбивали на пары, а Северова как раз уронила зеркальце под сиденье и рыскала в автобусе.

Меня водитель выгнал, чтоб не задерживала народ, и я вышла на улицу, где цепкая рука Селёдки схватила мою и вложила в руку Карпова. Причём проделала это так быстро, что я не успела даже подумать о том, чтобы возмутиться. Да и не получилось бы, наверно, на меня Селёдка шикнула бы, и я от обиды снова не смогла бы ни слова произнести.

Я ошарашенно посмотрела на Женьку, а он улыбнулся мне как-то радостно, что ли... Не к добру это. От его сияющего ехидного взгляда я растерялась окончательно и поняла, что надо бить тревогу. Почти начала паниковать, когда услышала звонкий спасительный голос Оли:

– Я должна идти с Никой!

Но учительница не поддержала Северову, ответив сразу, без раздумий:

– Вы вечно болтаете, а надо слушать экскурсовода, – наставительно заявила Селёдка. – Так что ты вставай с Ваней.

Я выдохнула, поняв, что всё это – коварство Селёдки, а не досадная случайность. Я бы всё равно не пошла с Олей, даже если б она вышла из автобуса вместе со всеми.

От этого стало немного легче.

– Не хочу! – едва не заплакала Оля, и мне стало неудобно. Это ведь из-за меня. Надо же, не думала, что Северова так хочет идти со мной. – С Карповым они тоже будут болтать!

– Так, Оля! – прикрикнула Селёдка. – Не задерживай! И так столько времени потеряно!

– Ага, – поддакнул Женька, а потом шепнул мне: – Может, Гудвин подарит Северовой мозги?

– Пусть тебе сперва подарит, – отозвалась я, обидевшись за подругу.

Тогда я ещё не знала, что шутки про мозги и фамилию Ваньки будут сопровождать меня всю школьную жизнь.

Северова, хоть порой и могла проявить настойчивость, в этот раз подозрительно легко и быстро сдалась. Может, пожалела нервную Селёдку, которая ничего теперь не успевала? В общем, мне пришлось идти с Женькой.

Как-то так вышло, что шли мы ближе к концу, и он мог спокойно толкать меня и бросать всякие листья и цветочки, которые успевал сорвать на ходу.

Нам что-то рассказывали, вокруг нас царил волшебство осеннего леса и огромных валунов, похожих на спящих великанов. Алела рябина на фоне жёлтых листьев, где-то высоко в небе кричали улетающие на юг гуси... Пахло осенни-

ми листьями, хвоей и свежестью. Пахло тайной старинного парка, древними легендами и осенней убаюкивающей тишиной. И я могла бы наслаждаться этим удивительным парком, так не похожим ни на какие другие, но со мной шёл Карпов и всё портил.

Он потянул меня резко вправо, а там, вообще-то, высилась скала, об которую можно было больно удариться. Но я не ударилась, потому что была готова к любому выпадку от этого мальчишки!

– Прекрати, – в сотый раз сказала ему я.

А он в сотый раз промолчал. Ничегошеньки не ответил!

Но вроде как, наконец, прекратил. Я гордо вытряхнула из волос остатки травы, которую он успел на меня кинуть до того, как пихнул, и постаралась сосредоточиться на красоте парка. Всё равно не слышно, что говорит экскурсовод.

Тем временем мы вышли к воде, в которую уходили скалы и россыпь разнокалиберных камней. Я, как и многие другие, заворуженно уставилась на этот чарующий пейзаж. Это была какая-то там бухта, но я даже не расслышала, какая именно!

– Ближко к Защитной бухте не подходим! – Командовала Селёдка так громко, что слово её донесли даже до нас. – И не задерживаемся! У нас ещё очень обширная программа, мы рискуем что-то не успеть.

Так, значит, бухта Защитная... Мне эта информация была, в общем-то, ни к чему, но вдруг родители спросят, что было на экскурсии? А я только и смогу рассказать, что про

колесо, яблоки и Женьку Карпова. Получится не очень хорошо.

Мы постояли, как мне казалось, всего несколько минут, и вся процессия направилась дальше.

Мы с Карповым ненадолго задержались, поскольку оба глазели на воду, чуть щурясь от не по-осеннему тёплого ветра. Парк вообще располагал к неспешности и задумчивости, так что так стоять и смотреть на бухту я могла долго. Даже рядом с Женькой.

И тут он, опомнившись, что давно не пакостил, изловчился стянуть резинку с моей косы. Такой момент испортил!

– Карпов, ну держись! – я посмотрела на неотвратимо распускающуюся косу и, убедившись, что резинка и правда снята, закинула волосы за спину и бросилась за мальчишкой, который зажал в кулаке моё нежно-сиреневое украшение и уносился с ним прочь.

Как же он достал! Ещё и любимой резинки не хватало лишиться из-за него!

Он рванул совсем не на ту тропу, по которой удалялся наш класс, но я не расстроилась, подумав, что скоро догоню его, отлуплю, и мы вернёмся к классу.

Кричать ему что-то, привлекая внимание Селёдки, не стала. Всё равно ведь не будет разбираться, а меня обвинит. Проще всё разрулить самой!

Но Женька оказался неожиданно прытким. Он мчался вперёд, и я безбожно отставала, но не кричала ему, чтоб по-

дождал или остановился. Мне хотелось догнать его самой, доказать, что я не хуже его и в скорости Женьке меня не обойти!

Он тем временем добежал до скалы, что тянулась вдоль живописной дорожки, и начал карабкаться на неё. К тому моменту, как я очутилась там, он был уже довольно высоко. Поверхность камня поросла мхами, и в тех местах, где мальчишка взбирался наверх, мох оказался потревожен и испорчен.

Я машинально поправила один кусок, который из-за Женькиных неаккуратных движений оторвался от камня и теперь завернулся верх ногами. Раздражённо поправив мох, задрала голову наверх.

– Слезай! – скомандовала я, не желая повторять путь Карпова.

Скала была высокая, опасная, поросшая влажным мхом, а местами травой и папоротником. Никакого желания карабкаться наверх у меня не было, тем более на мне красовались светлые сиреневые джинсы, по цвету совпадающие с резиной, которую Карпов уносил с собой всё выше и выше.

Мама одела меня красиво, потому что мы ехали культурно просвещаться, а не лазать по скалам.

Я сжала кулаки, готовая снова что-то крикнуть, но Карпов вдруг обернулся и ответил мне:

– А ты догони, Ворона! Догонишь – отдам твою резинку, а нет – спрячу сейчас тут, наверху, и ты никогда не найдёшь!

Резинка мне нравилась. И, что самое интересное, в том возрасте не было и мысли, что она не уникальна и что можно попросить у родителей такую же, рассказать про мерзкого Карпова и никуда не лезть! Меня бы поняли и мне бы точно купили новую резинку. Или позвонили бы родителям мерзкого парнишки и стрясли резинку с них.

Да, тогда подобных мыслей не возникло и даже не могло возникнуть. Эта резинка была уникальна хотя бы тем, что была моей. И я должна была вернуть её!

Вздыхнув и смерив Карпова уничтожающим взглядом, я подошла к скале, оглядывая её и размышляя, как начать восхождение. Совершенно не имея опыта в скалолазании, мне пришлось тщательно выбирать самые безопасные уступы, по которым можно было подниматься вверх.

Женька уже забрался и теперь наблюдал за мной, не убегаая, словно ждал. Он присел на корточки у самого края и смотрел на меня с любопытством и, как мне чудилось, с вызовом.

Но не отвлекал.

Скала оказалась местами очень даже пригодна для подъёма, но точно не для подъёма таких, как я. Ноги то скользили по мху, то вместе со мхом, и приходилось подцеплять его носком, укладывая на место. Колени на моих прекрасных светлых джинсах промокли и потемнели, и я начала опасаться, что и вовсе порву их.

Пришлось стать осторожнее и провдигаться наверх мед-

леннее.

Да, долгим был мой путь наверх, но всё же через какое-то время я преодолела его, и в итоге оказалась рядом с Карповым.

Первым делом одарила Женьку уничтожающим взглядом, потом выпрямилась и посмотрела на мальчишку сверху вниз, поскольку он остался сидеть на корточках.

Карпов держал мою резинку на вытянутой руке, так что я легко выхватила её у него и принялась заматывать косу, пока она совсем не распустилась. Хотя, стоило сразу броситься в бой, а так я потеряла время и запал. К тому же Карпов сидел так мирно, что просто так и не врежешь.

– Дурак! – заявила я просто.

Восхождение отняло силы, и драться не хотелось. Я тяжело дышала, но была рада, что смогла!

– Да ладно тебе! – отмахнулся от моего гнева Женька. – Ты посмотри, как тут красиво! С Селёдкой такого не увидишь!

Я от досады хлопнула себя ладонью по лбу. Карпов тем временем поднялся.

– Селёдка! Точно! Мы же из-за тебя отстали от класса! – я замахнулась на него, желая всё-таки хоть раз ударить, но он перехватил мою руку и ловко развернул меня так, что у меня перехватило дыхание... от красоты пейзажа, который открылся перед моими глазами.

Забираясь наверх, я не думала, что отсюда будет так здо-

рово смотреть вниз! И ведь действительно, нас бы ни за что не пустили сюда, а тут настоящая красотища!

Мы стояли на высокой скале и смотрели на Защитную бухту, на камни, рассыпанные в прибрежной полосе, на увядающие деревья, разодетые в яркие пёстрые наряды. Стояли и молчали, любуясь и гордясь тем, что мы тут, а не с остальными ребятами.

Тишина и спокойствие витали в воздухе, мудрость природы пропитала эти земли, и мы оба, глупые первоклашки, чувствовали это, и оттого замерли и ещё долго молча смотрели на потрясающий вид.

Вражда перестала существовать. И даже само время перестало существовать. Мы, может, стояли так минуту или целый час – я не знала. Но было так хорошо, что я бы продолжила находиться тут так до самого вечера, если бы не услышала громкий голос Селёдки:

– Мы слишком задерживаемся! Отстаём по времени, так что скорее в автобус – нам надо посетить ещё одно место!

Женька потянул меня за руку вниз, и сам быстро распластался на земле. Здесь, наверху, рос лес и были такие же загадочные валуны, как и внизу. Скала словно разделяла два слоя, была своеобразной ступенькой, тянущейся вдоль побережья и отделяющей плотно верхнего леса от нижнего. Это было ни на что не похоже и казалось удивительным, но успокаивающим: мы ощущали себя не на вершине горы, а на надёжной поверхности.

– Ты чего? – не поняла я Женькиного манёвра. – Надо крикнуть им, чтоб подождали нас!

– С ума сошла! – он дёрнул меня вниз сильнее, и я рухнула рядом с ним, ушибив ногу о каменный выступ. – Они нас убьют, если поймут, что мы сюда залезли! Сейчас нагоним их и тихо пойдём в конце, как ни в чём не бывало!

Идея была не лишена смысла. Ссориться с учителем в начале первого класса не хотелось, так что пришлось признать, что идея Карпова вполне сносная. Учитывая, что, скорее всего, виноватой сделают снова меня.

Ушибленная коленка прошла быстро, так что я даже не стала заострять на этом внимание, озаботившись более важными проблемами:

– А ты дорогу знаешь? – опасливо поинтересовалась я.

– А чего тут знать? – Карпов спросил это таким тоном, что я и сама подумала, что вопрос глупый. – Мы ж не в диких горах с тобой! Спустимся сейчас и догоним! Это ж парк, Ворона!

Я, пропустив прозвище мимо ушей, робко посмотрела на Женьку и призналась:

– Я тут не спущусь... Я еле забралась!

Ожидала, что он станет насмехаться и глумиться над моей неуклюжестью, но Карпов только ненадолго задумался, подобравшись ползком поближе к краю и поглядев вниз. Удостоверился, что и правда высоко, и сказал:

– Ладно. Не обязательно тут спускаться. Эта тропа, по

которой они идут, так и тянется вдоль скалы. – Он указал вниз. – Они пойдут там, а мы – по верху, и спустимся, где не очень высоко будет! Всё, тихо, они идут!

И он прижался к земле и протянул руку к моей голове, но я не позволила ему окончательно испортить мне причёску и вжать мою голову в мох.

В тот момент было очень классно! Я ощущала себя шпионом из крутого фильма, причём крутым шпионом, который смог взобраться на скалу и теперь должен был незаметно влиться в уходящую экскурсию.

Мы с Женькой смотрели друг на друга восторженно, и я на миг даже забыла, что он мой враг, вечно пристающий со своими глупыми шутками.

– Ты прав, – шёпотом призналась я. – С Селёдкой была бы скучная экскурсия, а с тобой – весело!

Он скромно потупился, пряча довольную улыбку.

Мы подождали, пока пройдут все, а потом поднялись на ноги.

– Пошли! – Женька поманил за собой.

Идти и хотелось, и не хотелось. Приключение манило, но здравый смысл шептал, что надо скорее догонять наших.

И я даже было решилась на отчаянный шаг:

– Может, всё же тут попробуем спуститься? – предложила я, но шагнув к краю и посмотрев вниз, поняла, что забраться было просто, а вот спуститься тем же путём вряд ли получится.

Стало как-то страшновато, но Карпов успокоил:

– Не дрейфь, Ворона! Найдём нормальный спуск!

И мы пошли вдоль края, продолжая любоваться осенними видами на бухту. Шорохи листьев под ногами успокаивали, красота завораживала, и мы шли, словно гуляли, и я даже перестала ощущать себя шпионом из крутого фильма, зато почувствовала себя просто счастливым человеком.

Экскурсия шла быстрее нас, но мы не обращали на это внимание. Голоса вскоре скрылись, перестали доноситься совсем, уступив место волшебной тишине.

Это казалось таким естественным и правильным для этих мест, что мы не сразу поняли, насколько это опасно. Поняли, только когда слышали внизу чужие голоса – кто-то торопился обойти весь парк до закрытия и бурно обсуждал это со своим медлительным спутником.

– Женьк, наши далеко уже, мы не успеем! – тревожно посмотрела я на парнишку.

– Давай тогда спустимся вон там – там вроде нормально, – он указал на место, где и правда скала становилась значительно ниже.

Мы прибавили шаг, но когда добрались до места, оказалось, что просто там недавно было обрушение. Скала действительно оказалась ниже, чем везде, но кругом меж деревьев тянулась предупреждающая лента, на которой красовалась табличка: «Опасная зона! Проход запрещён!»

Не знаю, как всех, но меня вот такие внезапные таблички

пугали. Сразу казалось, что там что-то ужасное и надо поскорее убраться подальше, пока не случилось ничего плохого.

– Пошли! – потянул меня за руку Карпов, намереваясь проигнорировать и ленту, и надпись. И мой страх.

– Ты что? – испугалась я и вырвала руку из его. – Написано же, что нельзя!

Только что было спокойно, но эта табличка меня нервировала, и теперь мне стало страшно. Что, если нигде не спуститься и придётся возвращаться обратно или и вовсе ждать помощи?

– Ты хочешь догнать класс или нет? – спросил Женька как-то странно, слишком равнодушно, словно он-то вообще не хотел класс догонять, и это исключительно моя затея.

– Хочу! – не раздумывая, ответила я и напредила: – Но если что случится – Селёдка нас убьёт, сам говорил!

– Да что может случиться! – Женька устало зачесал пзатерней свои волосы назад и посмотрел на меня, как на трусику, но меня это не проняло.

Сломать ногу или как-то иначе пораниться я не хотела. Мне хватало испорченных джинс. Уж лучше пусть считает меня трусихой! И пусть уж лучше нас хватаются у автобуса, поищут, отругают, мы всех задержим и прочее... Тем более, этого всё равно будет не миновать, если кто-то из нас пострадает при спуске в запрещённом месте.

С минуту мы с Карповым сверлили друг друга взглядами, каждый уверенный в своей правоте, а потом Женька сдался:

– Ладно, пошли. Срежем чуток через лес и нагоним их!

Женька был оптимистичен, невозмутим и спокоен, а вот я начинала нервничать, хоть мы и отдалялись от предупреждающей таблички. Мы не успевали, и я чувствовала это. И потому решила пойти с Женькой через лес.

Мы свернули на какую-то небольшую тропинку и пошли по ней быстрыми шагами. Она вилась, отклонялась, как мне казалось, не в нужную нам сторону, а потом и вовсе вывела к каменной стене с нас ростом.

– Пошли по ней! – предложил Карпов радостно. – Если она огораживает парк, то мы выйдем куда-то к автобусам!

– А если не огораживает? – осторожно спросила я.

Но Карпов уже ловко вскарабкался на стену и протянул мне руку со словами:

– Эх, Ворона, скучно с тобой всё-таки. Я дарю тебе приключения!

«Дарю приключения» – было отчасти верно и звучало красиво, но я не поддалась.

– Ты втянул меня в это, и не пытаешься ничего исправить! – насупилась я.

– Ну погуляли чуток без присмотра, сейчас вернёмся, чего ты дуешься? Красиво ж было? – он кивнул в сторону, где предположительно было место, с которого мы смотрели на бухту. – Ну скажи, красиво или нет?

– Ну... красиво, – нехотя призналась я.

– Прикольно? Интересно было? – продолжал допытывать-

ся Женька.

– Ну... интересно... – снова пришлось признать, хоть помимо интереса и прикольности теперь появлялся и страх за расплату, которой не избежать, если мы не вернёмся вовремя и незамеченными. А шансов вернуться таковыми оставалось всё меньше.

– Так залезай! – Он снова поманил меня рукой. – Когда ещё по такой стене прогуляешься!

Такую стену и правда мало, где найдёшь! Да ещё и в окружении молчаливых великанов-деревьев, в осенней звенящей тишине... Легко можно представить себя странницей в сказке!

Вздохнув, я залезла без Женькиной помощи, проигнорировав его протянутую руку. Чтоб не зазнавался! И без него можно было отлично провести время в этом парке! Да, не настолько круто, как с ним, но зато безопаснее.

Он удовлетворённо хмыкнул, когда мы оба оказались на стене, и повёл нас вперёд. Я шла по неровной поверхности, как по мощёному тротуару, чувствуя под ногами округлости камней, и уже давно перестала ориентироваться, в какую нам сторону. Сперва петляла тропа, теперь странно изгибалась эта стена... Но надежда, что этот путь приведёт нас к автобусам, ещё теплилась.

Стена оборвалась неожиданно, словно кто-то ленивый недоделал её и бросил на половине. От неожиданности я вре-

залась в спину Карпова – он шёл впереди и остановился резко, а я замечталась, воображая себя странницей, и не сразу сообразила, что пора останавливаться.

Парнишка стоял у самого края, и потому, потеряв равновесие, замахал руками, чтобы не свалиться вниз.

Было не очень высоко, и внизу стелился мягкий мох, но я отчего-то жутко перепугалась. Наверно, просто от неожиданности и от того, что в целом была напряжена от происходящего.

Мне удалось резко схватить Женьку за руку и дёрнуть на себя.

От этого я чуть не повалилась на спину, но на этот раз Карпов удержал меня.

Мы не ударились и не свалились, хоть и перепугались.

– Ты чего толкаешься? – деланно недовольно спросил Женька.

– А ты чего встал на полпути? – огрызнулась в ответ я.

– Стена закончилась, вот и встал! – ответил Карпов, указывая на край стены.

Я посмотрела вперёд недоверчиво, медленно осознавая, что это означает лишь одно: простого пути к автобусам нет.

Принялась озираться, вглядываясь куда-то меж деревьев: вдруг, стена не закончилась, а просто прервалась и продолжается дальше, через какое-то расстояние. Но продолжения стены не было видно.

На моём лице отразился страх и готовность заплакать от

безысходности, но Женька быстро прыгнул вниз и бодро сказал:

– Да ладно тебе! Стена – отличный ориентир! Мы через неё не переходили? Не переходили! Значит, и не будем переходить! Пошли туда! – он указал почти в обратную сторону, только не вдоль стены, а вглубь леса.

Я тоже прыгнула вниз, и мы пошли, куда указал Женька, потому что у меня не было других предложений. Брели долго, а потом услышали странный звук, который заставил нас обоих замереть и переглянуться, удивлённо глядя друг на друга.

Карпов молчал, и я – тоже. Звук повторился. Он был жалобный, исходил от живого существа и заставлял сердце сжиматься от тревоги и грусти. Тоскливый звук.

– Мне показалось, что где-то скулит щенок... – нерешительно озвучила свои мысли я.

– Пойдём, – потянув меня в сторону источника звука, сказал Женька. Сказал, не раздумывая, и этим вызвал у меня восхищение. – Если он один, без людей, надо бы его с собой взять. Как раз потом скажем, если что, что всё из-за него! Мы услышали и пошли на помощь! – пояснил он своё рвение.

В ответ я поморщилась на такие неблагородные мотивы. Лично я всегда хотела, чтобы судьба подкинула мне щенка, а она не торопилась этого делать. И вот, надо же, в таком неожиданном месте!

Мы пошли на звук, и вскоре, под раскидистой ёлкой заме-

тили большую коробку. Звук явно шёл оттуда. Именно тогда, глядя на тёмную ель, краем сознания я отметила, что уже заметно темнеет. Световой день уменьшился к осени, и теперь темнело рано. Кроме того, в тени ёлки это ощущалось острее.

Женя подошёл к коробке и выудил оттуда небольшого чёрного щенка. Я подошла и забрала его на руки, и Карпов не протестовал.

А дальше мысли и эмоции мои перепутались, переплелись и вырвались градом слёз.

Мне было ужасно жаль брошенного щенка, было ужасно жаль себя, потому что уже поздний вечер, и нас наверняка ищут, и нам не поздоровится, когда найдут...

– Вот гады! – сказал Женька, глядя, как я, стоя во мху на коленях и прижимаю щенка к себе.

– Я его с собой возьму, – всхлипнув, предупредила я Карпова. – Себе!

А то мало ли он не понял, что я не оставляю здесь этого чёрного пушистика с мокрым забавным носиком и смешными висячими ушками. Или что отдам его ему, Женьке.

– Правильно! Бери! – одобрил Женька. – История эта нам на руку: Селёдка, может, тоже разрыдается от умиления. Как ты.

Мне ужасно захотелось его чем-нибудь треснуть. Я плакала вовсе не от умиления, и вообще не важно, что там с Селёдкой будет!

Я молча встала, готовая идти, и смерила Карпова недобрым взглядом, на что он пожал плечами и повёл нас дальше. Он озирался, пытаясь вспомнить, как мы пришли сюда. Так торопились на зов щенка, что не запоминали направление.

Пёсик пригнулся и быстро уснул, забавно посапывая, и я старалась идти мерно, чтобы не тревожить его. Сама не заметила, что от этого мы замедлились и едва плелись, но Женька не торопил меня.

Вдруг в зарослях папоротника слышались шорохи, и я жутко перепугалась, что это может быть змея. О змеях я знала ужасно мало, но мне казалось, что в этом тёмном лесу им самое место. Я шагнула к остановившемуся Женьке, и мы оба, замерев, смотрели, кто появится из сумрачного леса.

Было и страшно, и интересно. Но мне почему-то казалось, что Карпов сможет постоять за нас.

Но сражаться ни с кем не пришлось – из травы вышла белка. Юркая, любопытная, рассчитывающая на угощение. Рыжая пушистая шубка и внимательные глазки-бусинки – просто прелесть! Она несколько секунд смотрела на нас, а потом умчалась на дерево и стала смотреть оттуда, но там нам было её уже плохо видно. Ей не верилось, что у нас нет ничего вкусного и мы пройдем мимо, ничем не угостив.

Карпов пошарил в карманах и достал из одного упаковку орешков. С характерным шуршанием открыл её, достал орешек и кинул белке.

Та проворно спустилась, схватила орех и умчалась куда-то

наверх, прятать или есть.

– У тебя в кармане еда, и ты молчал? – возмутилась я.

Он смутился и пожал плечами:

– Да забыл просто... – пробормотал он. – На, если хочешь, – и протянул мне.

Я взяла, хоть и очень хотелось из вредности отказаться. Но становилось голодно. Пока боялась, этого не чувствовалось, но сопение щенка успокаивало, и теперь пробудилось чувство голода.

– Спасибо, – поблагодарила из вежливости.

– Пошли, ну её, эту белку, нам надо идти! – Карпов продолжил путь, и я, обернувшись на дерево, где скрылся рыжий зверёк, поплелась за Женькой.

Мы вместе ели орешки и шли молча, а мне становилось тяжело тащить щенка, но я не решалась попросить Карпова сменить меня. Пришлось поудобнее переложить собаку за пазуху, отчего щенок недовольно заворочался, и дать отдохнуть хоть одной руке.

Впереди уже виделся просвет, лес заканчивался. Ещё несколько шагов – и мы выбрались обратно к скале, от которой ушли, но немного в другом месте.

Я бы набросилась на Карпова с обвинениями в тот же миг, но не смогла оторвать взгляда от невероятной красоты заката, что разгорелся над бухтой и отражался в воде, делая пейзаж каким-то нереальным и волшебным, словно нарисованными яркими красками на холсте. Кажущаяся чёрной камен-

ная гряда, уходящая в бухту, делала картину ещё живописнее, и мы стояли и смотрели на заходящее солнце. Самого светила уже не было видно, но отсветы его рождали удивительные цвета, растекающиеся акварелью по небесному полотну.

Мы смотрели до того самого момента, когда последние неровные алые полосы в небе не погасли, погрузив мир в темноту.

И вот теперь я могла высказать Карпову всё! Никакой эстетический восторг теперь не мог мне помешать!

– Это из-за тебя! – я изо всех сил толкнула его свободной рукой в грудь, и он нервно сглотнул, внезапно ощущая груз ответственности.

Вместе с наступившей темнотой нас обоих одновременно настигло осознание, что мы крупно влипли.

– Что теперь делать? – вопрошала я. – Ты представляешь, какой переполох, наверно, сейчас! Из-за нас все не успели, куда там должны были ещё успеть! Из-за нас задержат автобус! Из-за нас Селёдка носится сейчас по парку, и вряд ли её устроит объяснение, что мы спасали щенка! А если ещё хуже: она заставит нас выкинуть его тут, не разрешит взять с собой, что тогда?

Я сама ужаснулась своих мыслей и прикрыла рот ладонью, второй рукой крепче прижимая к себе пса.

– А твои родители? – спросил вдруг Женька. – Что они скажут, когда ты придёшь с собакой?

– Они обрадуются! – заявила я уверенно, и заметила, как это поразило Женьку.

Он вылупился на меня и смотрел, не моргая, несколько секунд, чем изрядно напугал.

– Ты чего? – испуганно спросила я, тронув его за рукав. – Не смотри так, пугаешь!

– Извини, – он отвёл взгляд и пробормотал: – Ничего, просто ты такая простая: нашла щенка и думаешь, что тебе разрешат оставить его дома...

– Разрешат! – не сомневалась я. – Я своих родителей знаю – они разрешат! А Селёдку – не знаю, она может и не пустить с собакой в автобус! Тем более после того, что мы учудили!

Женька вздохнул, а потом сказал решительно:

– Значит, мы не вернёмся в автобус!

Это было столь неожиданное и шокирующее заявление, что я долго смотрела в лицо паренька, пытаюсь понять, серьёзно ли он об этом говорит.

– Что? – опешила я. – Нет, так точно нельзя! Как же мы домой вернёмся?

– На попутке! – смело заявил Женька. – Как в кино – поймем попутку и доедем до дома! И заплатим – у меня дома деньги есть! И пса твоего точно тогда довезём!

Мне очень не понравился этот вариант. Я живо представила, как все бегает с фонариками по ночному парку и суматошно ищут нас, а мы уже мчимся в это время домой под развесёлую музыку из чьей-то магнитолы.

Да и попутка – очень сомнительно. Меня вот учили к незнакомым в машины не садиться... А Женьку, кажется, вообще ничему не учили!

– Так нельзя, – твёрдо сказала я со знанием дела.

– Ладно, – нехотя, но легко согласился Карпов. – Пошли искать дорогу к автобусу. Давай, раз нам не повезло найти спуск, если идти вправо от бухты, мы пойдём налево. Да, это дальше, но зато там наверняка есть какое-нибудь удачное место!

Мне уже было всё равно, потому что я ужасно боялась теперь за щенка, что его у меня изымут. Ситуация казалась безвыходной: и к автобусам надо, и щенка надо оставить себе.

Мы шли молча, и вода в бухте теперь казалась неприветливо тёмной, но всё же около неё было светлее, чем в лесу. О том, чтобы вернуться под сень деревьев, речи не шло, и мы брели вдоль края скалы, пока не добрались до места, где спуск и правда был не таким крутым и даже ступенчатым.

– Руку дай, – скомандовал Карпов и протянул мне ладонь. – А то грохнешься со своим псом!

– Ещё чего! – я спрятала свободную руку в карман, чтобы мальчишка никак не мог взять её.

Женька пожал плечами и начал спускаться первым, но своё желание подстраховать меня не ставил и придерживал за локоть той руки, которой я прижимала к себе щенка.

Камни здесь отчего-то были сухими, не скользкими и до-

вольно плоскими, а мои кроссовки имели отличную для таких дел подошву, так что спуск показался мне хоть и опасным на вид, но на деле оказался лёгким и непринуждённым, и даже несанкционированная мной помощь Карпова к концу операции перестала меня напрягать.

И вот мы стояли на земле. Рядом с нами высилась тянущаяся вдоль побережья скала, под ногами лежала натопанная дорожка, а слева бухта с её камнями, запахом воды и лёгким ветерком.

Карпов огляделся. Парк казался огромным, и статуя какого-то старца с длинной бородой, что восседал на огромном валуне, смотрела со своего постамента так печально, словно сочувствовали мальчишке, но в мраморных бездушных глазах мне чудился и укор. Такой же, какой Женька мог найти и в моих.

Карпов нервно сглотнул.

– Зато теперь проще найти дорогу, пошли! – юодно заявил нейнывающий Женька и прибавил шагу.

Мы с ним отправились теперь уже уверенно, по официальной тропе, где не так давно проходил весь наш класс.

Теперь казалось странным и удивительным, что мы могли потеряться здесь – в культурном парке, а не в диких дебрях. Что послужило всему этому, я не знала: не то страх, не то растерянность, не то какие-то духи этого места решили проучить нас и помогли заплутать. Как бы то ни было, теперь всё казалось простым, хоть природа вокруг и продолжала про-

изводить впечатление мистической, древней и мудрой.

Мы шли, не разговаривая, и вскоре вышли к совсем окультуренному месту, откуда по прямой аллее можно было выйти через ворота к автобусам.

Я напряжённо ждала криков Селёдки, которая, как рисовало моё воображение, в ужасе носилась по парку и рвала на себе свои завитые светлые волосы от злости и досады.

Но парк дышал тишиной. Такой особой осенней тишиной, в которой уже не стрекочут кузнечики, не щебечут птицы и даже последние клинья гусей давно пролетели, а те, что не успели, затаились на ночёвку, чтобы не лететь в темноте.

Мы шли к автобусам, но оба уже начинали догадываться, что нас никто не ждёт. Тогда это показалось мне добрым знаком, ведь означало, что моего пса Селёдка не отберёт.

– Они уехали без нас! – удивился Женька, не постеснявшись выразить своё удивление этим восклицанием. – Офигеть!

Я вздохнула, не зная, что ответить.

Мы прошли через ворота, и я обернулась на тёмный парк. Хорошо, что мы выбрались из него! Там теперь стало совсем неприветливо на вид, но мне чудилось что-то доброе в этой темноте. Как будто тот лесовичок, что заблудил нас, улыбался и желал нам удачи. И собаке моей – тоже. Словно он для этого всё и придумал, чтобы помочь этому маленькому существу.

Не знаю, придумала я лесовичка или нет, но улыбнулась

ему в ответ и даже помахала рукой.

– Ты чего? – опасливо спросил у меня Женька, решив, наверно, что я ненормальная.

– Ничего, – смутилась я. – Просто прощаюсь с парком – когда ещё тут побываю! А он мне очень понравился! Даже несмотря на то, что пришлось гулять не нему с тобой!

Женька усмехнулся, но тоже обернулся и тоже помахал рукой темноте парка.

– До встречи! – тихо сказал он.

– До встречи! – решила сказать и я.

Мне очень хотелось однажды сюда вернуться, несмотря на то, что пока было вообще непонятно, как отсюда выбраться и оказаться дома.

Автобусов не было, и стоянка оказалась почти пуста – только одинокая красная машинка с предупреждающей наклейкой в виде элегантной леди в огромной шляпе, дающей понять, что за рулём женщина. Но где она пропадала, было не ясно, так что даже совета спросить оказалось не у кого. Вроде бы тут должен быть сторож, но и его не наблюдалось.

Мы шли по дороге, благо, она тут проходила одна. Шли рядом, глазели по сторонам, но вокруг не располагалось никаких домов и до самого Выборга предстояло идти неведь сколько.

Появившийся внезапно свет фар мы заметили издалека, и вскоре сзади слышался шорох шин и мерный гул мото-

ра. Мы остановились, не сговариваясь. Оба понимали, что помощь нам требуется, но не обсуждали это вслух, а просто надеялись на чудо.

Машина ехала небыстро, и, едва заметив нас, сменила дальний на ближний, а потом, аккуратно поморгав поворотником, свернула на обочину и остановилась недалеко от нас.

Мотор заглушился, хлопнула дверь. Из машины вышла женщина, показавшаяся мне на тот момент средних лет, но на деле она была молода, даже на пару лет младше моей мамы.

Она подошла к нам быстрыми шагами, и в свете фар отлично вырисовывался её силуэт: узкие джинсы и ветровка добавляли женщине походный вид, но отлично сидели на хрупкой фигуре.

– О, Боже! Дети, вы одни? – озабоченно спросила она, но мы заметили, что в руке женщина сжимает баллончик и опасливо озирается по сторонам, прислушиваясь.

Видно, она нервничала и опасалась какой-то «подставы» и не верила, что просто так могут брести по дороге два ребёнка в столь поздний час.

На тот момент мы тоже напряглись от её поведения. Нам не хватало жизненного опыта, чтобы верно истолковать её опасения и признать, что женщина она смелая и мудрая. Также нам не хватало опыта, чтобы насторожиться самим.

– Да, – признался Женька осторожно. – Мы отстали от класса, и автобус уехал без нас... И теперь мы идём в город.

Последнее он сказал гордо, чтобы незнакомка поняла: у него всё под контролем и есть отличный план действий.

– Какой ужас! – Женщина всплеснула руками. – Что за учителя нынче! В моё время такого бы точно не случилось! – она ещё раз огляделась по сторонам и, убедившись, что мы и правда одни, вздохнула: – Ладно, садитесь, я довезу вас. Вы где живёте?

– В городе, – ответил Женька уныло. – В Санкт – Петербурге. – И добавил, на случай, если женщина плохо ориентируется на местности: – Это очень далеко.

Женщина поджала губы, но ответила, ни секунды не колеблясь:

– Да уж, неблизко! Но хоть адрес назвать можете?

Мы могли. И назвали. А Женька как-то странно покосился на меня, на мою собаку, но ничего не сказал.

– Садитесь, довезу, – не отступала от своих слов женщина. – Придётся мне тогда у брата переночевать, он как раз в том же районе живёт.

А мы медлили, думая об одном и том же: пустит она нас в свою аккуратную машину со щенком или потребует оставить его? Но хоть можно попросить позвонить родителям, чтобы они приехали за нами сюда, хоть и придётся прождать всю ночь. Зато мы останемся со щенком!

– Ну, чего вы? – не поняла нашего замешательства женщина.

– У нас... собака, – признался Карпов. – Мы нашли её в

лесу. И хотим забрать домой.

Мне стало приятно, что он не бросил и не перевалил всё на меня. Мол, это вот эта девчонка хочет собаку везти, а меня можно и без собаки до дома подбросить.

Женщина кивнула, подумав, а потом спросила:

– А вдруг это чья-то собака?

– Вряд ли. – Отмахнулся Женька. – Она в коробке сидела и скулила... В лесу, там и не ходит никто, кроме нас. Мы потому и отстали – услышали скулѐж, – успешно ввернул свою версию хитрый Карпов.

Женщина кивнула вновь, на этот раз как-то уважительно.

– Ладно. Вы молодцы, – тепло улыбнулась она. – Садитесь. Сейчас позвоним вашим родителям и предупредим. Телефон помните?

Я помнила, а Женька – не знаю. До сих пор говорил в основном он, а тут как-то замешкался, и, раз уж молчание затягивалось, пришлось отвечать мне.

– Домашний! – отозвалась я.

– Отлично. – Похвалила женщина. – Тогда звони и назовай номер моей машины. И имя моё скажи: Милена Сергеевна Фёдорова.

Я покладисто взяла из её рук телефон и принялась звонить, а Женька с присущей ему подозрительностью спросил:

– Зачем это?

– Затем, что люди разные бывают, и мало ли, куда я вас увезу. – Объяснила боязливая Милена. – Так что лучше, что-

бы родители знали номер машины и моё имя. И вообще: никогда не садитесь в машины к незнакомцам.

Женька нахмурился от её слов, сочтя их правильными, но и признавая безвыходность нашей ситуации.

– Мам, привет! – начала я, когда гудки сменились маминым «алло». – Мы тут немного отстали от группы, и нас довезёт тётя, ты запиши номер машины и её имя... – и я продиктовала опешившей маме все необходимые данные, а потом она попросила дать телефон Милене.

О чём говорили, было не ясно, но женщина улыбалась, временами кивала или, наоборот, качала головой, сопровождая это короткими фразами:

– Да. Конечно! Конечно! Да ну что вы, бросьте. Сама не пойму, как так могло произойти! И не говорите! Да! Да ну что вы! Конечно!

Потом она убрала телефон и спросила у Жени:

– А ты будешь звонить своим?

Он не сразу ответил. Но мы ждали, смотрели на него, и ему пришлось говорить:

– Домашнего у нас нет, а мобильный длинный, я не помню, – пожал плечами он, и мне стало очень грустно за его родителей, что они будут ещё долго переживать за него и не знать, где он и что с ним.

Но Карпова это не волновало, и он сел в машину первый. Я последовала его примеру.

Милена не стала настаивать – разговор с моими родите-

лями успокоил её.

Начался путь домой.

Играла негромкая музыка, и Милена Сергеевна иногда барабанила пальцами по рулю в такт или качала головой. Не нервно, а скорее просто, от хорошего настроения. Ведь делать доброе дело всегда приятно. Особенно, когда это доброе дело не какое-то банальное, а уникальное, как приключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.